

Торстейн Бунде Веблен

ИНЖЕНЕРЫ И ЦЕНОВАЯ СИСТЕМА

СЕРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Экономическая теория (ГУ ВШЭ)

Торстейн Веблен

Инженеры и ценовая система

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

1921

УДК 330.1
ББК 65.01

Веблен Т. Б.

Инженеры и ценовая система / Т. Б. Веблен — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 1921 — (Экономическая теория (ГУ ВШЭ))

ISBN 978-5-7598-1695-9

В книге Торстейна Веблена «Инженеры и ценовая система» (1921) показан его взгляд на ситуацию, сложившуюся в период промышленного подъема. Мир в эту эпоху быстро менялся, менялись и люди, жившие в нем. Новую картину мира создавали революции, кризис и развитие технологий. Подход Веблена был актуален для своего времени, но в прогнозах экономист опирался только на перспективы промышленности, практически не рассматривая информационную революцию. Особое место в книге уделено Советской России, ее роли в будущем цивилизованного человечества. В целом Веблен одним из первых попытался изложить концепцию построения технократического государства. Книга предназначена для студентов и преподавателей экономических вузов, а также широкого круга читателей, интересующихся политической экономией.

УДК 330.1
ББК 65.01

ISBN 978-5-7598-1695-9

© Веблен Т. Б., 1921
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 1921

Содержание

О природе и использовании саботажа	6
Индустриальная система и промышленные магнаты	14
Финансовые магнаты и инженеры	21
Об угрозе революционных переворотов	29
Обстоятельства, ведущие к переменам	35
Меморандум о Совете технических специалистов	44

Торстейн Веблен

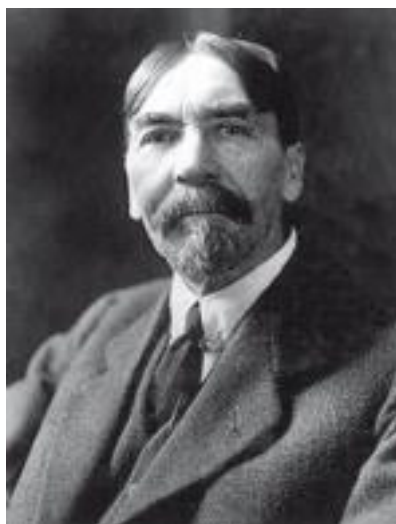
Инженеры и ценовая система

THE ENGINEERS AND THE PRICE SYSTEM
THORSTEIN BUNDE VEBLEN

Перевод с английского
ИЛЬИ КОШКИНА

В оформлении обложки использован плакат 1931 г.

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН (1857–1929) – американский экономист, автор ряда социологических и экономических трудов, основоположник институциональной школы в экономике, занимающейся исследованием взаимодействия институтов и институций. Преподавал в Корнелльском, Чикагском, Стэнфордском университетах и в Университете штата Миссури (1910—1917). На русский язык переведены три работы Веблена – «Теория праздного класса», «Теория делового предприятия» и «Инженеры и ценовая система».

Торстейн Бунде Веблен

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

О природе и использовании саботажа

Слово «саботаж» произошло от французского «sabot» – вид деревянной обуви. Оно означает «идти медленно, неуклюжей шаркающей походкой» – как ходит человек в таких ботинках. Поэтому так стали называть меры, приводящие к замедлению, снижению эффективности производства, созданию помех для работы и увеличению брака. В Америке под саботажем часто понимают насильственный протест, промышленный террор, разрушения, поджоги и взрывы, хотя это сильно отличается как от изначального, так и от современного значения термина. Совершенно иначе слово «саботаж» понимают те, кто отстаивает эту меру как аргумент в борьбе за повышение заработной платы или улучшение условий труда. Хорошим определением саботажа можно назвать то, которое с недавнего времени используют Индустриальные рабочие мира¹: «сознательное снижение эффективности» – невзирая на то, что и оно не отражает всю полноту этого понятия. Зловещий смысл, который приобрело слово «саботаж» в Америке, – то есть хаос и насилие – вероятно, привнесли в него отдельные люди и газеты, стремящиеся дискредитировать использование саботажа рабочими и потому заостряющие внимание на его мрачных проявлениях. И это неправильно, поскольку слово превращается в средство обвинения, а не объяснения. Несомненно, жестокие методы имели место в акциях саботажа, устраиваемых недовольными рабочими, – так же как и в конкурентных войнах предприятий. Это действительно один из способов саботажа, но не самый распространенный и не самый эффективный, хотя шокирующий и обращающий на себя внимание. Случаи преднамеренного насилия редки по сравнению с прогулами по мнимой болезни и дезорганизацией работы, которые обычно составляют основу законного саботажа.

Первоначально слово «саботаж» вошло в обиход французских рабочих, членов профсоюзов, избравших тактику пассивного сопротивления, и продолжает ассоциироваться со стратегией этих рабочих, которые известны как синдикалисты², а также их единомышленников в других странах. Но тактика синдикалистов и их использование саботажа, по сути своей не отличаются от тактики других рабочих в других местах, или от похожей тактики создания помех, простоя и ограничений, используемой в спорах сотрудников и нанимателей о заработной плате и других условиях. В итоге за последнюю четверть века слово закономерно перешло в повседневную речь и стало обозначать все мирные или скрытые маневры по созданию помех, простоя и ограничений на производстве, которые предпринимают либо рабочие – чтобы отстоять свои требования, либо наниматели – чтобы противостоять рабочим, либо конкурирующие предприятия – чтобы обеспечить себе преимущество. Такие маневры широко используются в бизнесе, но только в последнее время появилось понимание, что этот распространенный способ вести дела имеет общую природу с тактикой синдикалистов. Так что до последних нескольких лет было не принято называть подобные действия саботажем, если они использовались работодателями и корпорациями. И стратегия скрытого противодействия, создания помех и простоя, очевидно, имеет один и тот же характер, независимо от того, прибегает к ней предприниматель или рабочий, а значит, ее следует называть так же. Поэтому теперь рабочие говорят о капиталистическом саботаже так же свободно, как работодатели и газеты говорят о синдикалистском саботаже. Теперь слово используется должным образом и описывает определенную систему производственной стратегии и управления, независимо от того, кто ее приме-

¹ Индустриальные рабочие мира (*англ.* Industrial Workers of the World, IWW) – союз анархистов, социалистов и радикальных профсоюзных активистов, основанный в 1905 г. (Здесь и далее – *примеч. пер.*)

² Революционный синдикализм (*фр.* syndicat – профсоюз, союз) – направление профсоюзной мысли, возникло в конце XIX столетия. Синдикализм есть отказ от каких-либо идеологий (анархизм).

няет. Саботаж обычно подразумевает мирное или тайное противодействие, создание задержек, простоя и ограничение производства.

Саботаж обычно работает в рамках закона, хотя речь скорее о букве, чем о духе закона. Он используется для защиты некоторых особых преимуществ или привилегий, обычно – делового характера. Как правило, речь идет о чем-то вроде законного права, которое каждая сторона стремится сохранить или защитить, либо же ограничить или отменить. Это могут быть особые права, преимущества в отношении доходов или привилегий, а также некие материальные интересы. Рабочие с помощью таких мер пытаются добиться от руководства улучшения условий труда, увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня или поддержания привычных норм – все это они рассматривают как свои законные права. Конечно же, любая забастовка по сути является саботажем. Более того, забастовки – это типичный вид саботажа. Первоначально их не называли саботажем только потому, что это слово появилось позже, чем сами забастовки. Существует и другой типичный вид саботажа – локаут³. То, что локаут используют работодатели против сотрудников, не отменяет факта: это все та же тактика ограничения производства, создания помех и простоя для защиты своих прав. Локаут обычно не называют саботажем по тем же причинам, что и забастовки. Однако всегда было понятно, что забастовки и локауты имеют общую суть.

Все это не означает, что в привычном использовании забастовок и локаутов есть что-то предосудительное или аморальное. Они – часть обычного функционирования промышленности в рамках существующей системы, и они необходимы ей. Пока система остается неизменной, эта ее часть также будет существовать. На основании имущественных прав владелец и работодатель может делать со своей собственностью что угодно: иметь дело с кем-либо или не иметь, использовать промышленное оборудование и ресурсы или избавиться от них, перейти на сокращенный график или закрыть фабрику и уволить всех рабочих, которые не нужны ему в данный момент. Несомненно, локаут – это совершенно законный маневр. Он может быть признан – и часто признается – благотворным, когда используется, чтобы создать бизнесу хорошие – то есть выгодные – условия. Такова точка зрения обеспеченных граждан. Так же легальна забастовка, пока остается в рамках закона; и она тоже может быть благотворной – по крайней мере в глазах бастующих. Так что эти две типичные разновидности саботажа признаются в целом справедливыми и, в принципе, честными, хотя из этого не следует, что они обязательно справедливы и честны. Многое зависит от обстоятельств.

Саботаж, соответственно, не может быть решительно осужден как таковой. Есть много управленческих мер и в частном предпринимательстве, и в государственном руководстве, которые по сути являются саботажем и которые не только считаются простительными, но и одобряются законодательством, судебной практикой и общественным мнением. Многие подобные меры в сложившейся системе закона и порядка, цен и бизнеса вполне соответствуют определению саботажа, но считается, что они благотворны. Нетрудно доказать, что процветание любого общества, основанного на ценовой системе, невозможно без использования саботажа, регулярное обращение к которому позволяет тормозить и ограничивать производство, а значит, сдерживать цены в разумных пределах и тем самым избежать застоя в торговле. Конечно, подобные соображения привлекают сейчас самое пристальное внимание должностных лиц и предпринимателей, которые пытаются предотвратить депрессию в американской экономике и избежать последующих трудностей для тех, кто зависит от дохода с инвестиций.

Без тех благотворных ограничений, которые создает саботаж по отношению к промышленным предприятиям и рабочим, вряд ли бы удалось поддерживать цены в разумных пределах сколь-нибудь долго. Бизнесу контроль уровня и объема продукции необходим, чтобы сохра-

³ Локаут (*англ.* lock out, букв. – запирает дверь перед кем-либо) – временная остановка производства предприятия работодателем с прекращением выплаты заработной платы.

нять на высоком уровне прибыльность рынка – первое и главное условие процветания в любом сообществе, чьей промышленностью владеют и управляют бизнесмены. И любые способы контроля над промышленностью всегда чем-то напоминают саботаж – это все те же ограничения, простой, увольнение с фабрик рабочих, – благодаря чему выпуск продукции поддерживается на уровне более низком, чем позволяют производственные возможности.

Современная механическая промышленность чрезвычайно производительна. Так что объем и скорость выпуска продукции необходимо регулировать исходя из того, что может выдержать рынок, – другими словами, так, чтобы принести максимальную прибыль в ценовом выражении бизнесменам, которые управляют промышленной системой страны. Иначе неизбежно перепроизводство, спад деловой активности и трудные времена для всех. Перепроизводство означает избыточный выпуск продукции, при котором рыночная цена становится невыгодной. Выходит, что длительное процветание страны изо дня в день зависит от сознательного снижения эффективности бизнесменами, которые управляют промышленным потенциалом страны. Конечно, они используют его в своих интересах и поэтому всегда назначают выгодную для себя цену.

В любом сообществе, основанном на ценовой системе, инвестициях и бизнес-предпринимательстве, обычно существует полная или частичная незанятость рабочей силы, и это кажется обязательным условием, без которого не может поддерживаться приемлемый образ жизни. То есть ни в одном таком сообществе индустриальной системе не позволят работать на полную мощность в течение продолжительного времени, так как это приведет к застою в экономике и постепенному ухудшению уровня жизни людей всех классов. Это несовместимо с нуждами бизнеса. Следовательно, качество и объем продукции должны соответствовать требованиям рынка, а не количеству промышленных ресурсов, возможностям оборудования и нуждам покупателей. Следовательно, в обществе должно быть определенное количество незадействованных промышленных мощностей и рабочей силы. Качество и объем продукции, конечно, нельзя регулировать, если индустриальная система работает на пределе возможностей. Поэтому производство держится на уровне ниже максимального, насколько ниже – определяется обстоятельствами. Это всегда вопрос большей или меньшей незадействованности человеческих и промышленных ресурсов, и способность разумно регулировать этот показатель составляет главную мудрость для любого нормального промышленного предприятия.

Все это очевидные вещи. Но на них обычно предпочитают не заострять внимание. Писатели и ораторы, которые пространно рассуждают о похвальных деяниях бизнесменов, не хотят говорить о саботаже, с помощью которого те ведут дела, о сознательном снижении эффективности, ставшем частью их повседневной работы. Принято рассказывать о тех редких, исключительных и впечатляющих случаях, когда предприниматели сходили с этого безопасного привычного пути и успешно регулировали выпуск продукции за счет увеличения производственных мощностей индустриальной системы на том или ином участке.

Но, в конце концов, подобные мирные или тайные методы создания помех, простоя и ограничений в бизнес-управлении промышленностью широко известны и вполне одобряемы, поэтому нет нужды в дополнительных примерах. В качестве главного примера того, какой масштаб и силу может иметь снижение эффективности в сфере бизнеса, стоит вспомнить, что все цивилизованные страны сейчас подвергаются эксперименту по деловому саботажу беспрецедентного масштаба и нахальства. Все эти страны, которые прошли через войну, как воюющие стороны или как нейтральные, в той или иной мере столкнулись с нехваткой предметов первой необходимости; и это бремя легло в первую очередь на плечи простого народа, как прежде бремя самой войны. Простые люди одержали победу в войне, но потеряли средства к существованию. Тут нет нужды в восхвалениях или обвинениях. Речь об объективном факте, которому, возможно, требуется некоторая оценка, поскольку она обычно требуется подобным утверждениям. Все эти страны прошли через войну и отчаянно эксплуатировали свое население, теперь

они крайне нуждаются в товарах первой необходимости, как для непосредственного употребления, так и для промышленного использования. Государство сталкивается с нехваткой товаров, отсутствием еды, одежды, жилья и топлива, что приводит к волне бедствий. И в то же время во всех этих странах замедляются основные отрасли промышленности. Эффективность производства сокращается. Фабрики останавливаются или работают в половину силы, выпускаемая продукция меньше, чем позволяют производственные мощности. Людей увольняют, и все больше рабочих, которые отслужили в армии, остаются не у дел. В то же время солдат, которые армии больше не нужны, демобилизуют очень медленно, очевидно, из опасения, что рост числа безработных в стране приведет к катастрофе. И все эти люди испытывают огромную потребность в товарах и услугах, которые готовы произвести бездействующие фабрики и рабочие. Но из соображений деловой целесообразности нельзя позволить этим фабрикам и рабочим начать работать – ведь тогда прибыль бизнесменов будет слишком мала. То есть причина в недостаточном доходе крупных предпринимателей, которые владеют фабриками, контролируют производство и тем самым регулируют выпуск продукции. Товары не будут производиться в количестве, необходимом обществу, так как бизнесмены сомневаются, что смогут продать это количество по ценам, которые дали бы разумную прибыль на вложенные инвестиции или капитал; сомневаются в том, что рост производства, сопряженный с наймом большего количества рабочих и более полным обеспечением общества товарами, увеличит доходы. Ведь под разумной прибылью всегда подразумевается прибыль наибольшая.

Все это просто и очевидно, и вряд ли требует дополнительных пояснений. Это ясно и бизнесменам, которые управляют промышленностью страны. Конечно, с такой целью они и регулируют уровень и объем продукции; и еще, разумеется, они всегда делают это в интересах собственного бизнеса; то есть чтобы получить наибольшую прибыль, а не для того чтобы удовлетворить потребности людей, которые прошли войну и сделали мир безопаснее для бизнесмена, заинтересованного в том, чтобы они воевали. Если ответственные бизнесмены случайно отклонятся от прямого пути сугубо делового подхода и позволят нуждам общества повлиять на их стиль управления, они вскоре окажутся дискредитированы и, вероятнее всего, разорены. Их единственное спасение в сознательном снижении эффективности. Вся эта ложь в природе самого бизнеса. Так работает ценовая система, которую создали и которой управляют бизнесмены. Они заслуживают презрения, более того, они открыто признают это. У них связаны руки, потому что из-за требований ценовой системы к финансированию предприниматели ранее взяли на себя огромное бремя накладных расходов, и теперь любое заметное уменьшение чистого дохода грозит им банкротством.

Сейчас, в условиях, вызванных войной и ее окончанием, дела обстоят довольно типичным образом. В недалеком прошлом денег было много; эти крупные поступления (чистая прибыль) были капитализированы; этот добавочный капитал был присоединен к капиталу компаний и покрыт ценными бумагами с фиксированными дивидендами; эти дивиденды, как чистая прибыль, составляют корпоративные обязательства; падение чистых совокупных доходов делает выполнение этих обязательств невозможным. Следовательно, цены необходимо удерживать на том уровне, который позволит сохранять максимальный чистый совокупный доход, а единственный способ этого добиться – сознательное снижение эффективности в тех отраслях промышленности, которые выпускают товары первой необходимости.

Бизнес-сообщество по-прежнему надеется таким образом продержаться, но есть сомнения: окажется ли нынешнее беспрецедентное использование саботажа управленцами в основных отраслях промышленности достаточным, чтобы провести бизнес через этот серьезный кризис без критического сокращения капитала и последующих банкротств? Нет сомнения лишь в том, что спасение прошедших войну людей вторично по отношению к финансовому спасению владельцев корпоративных ценных бумаг, которые обеспечивают чистую прибыль. А это действительно непростая задача. Получается, что производство в основных отраслях

должно ограничиваться, чтобы избежать невыгодных цен. В отраслях, связанных с производством предметов роскоши и других излишеств, положение не столь отчаянное; но даже им, в силу зависимости от обеспеченных классов и их доходов, угрожает опасность. Потребности бизнеса вынуждают урезать производство необходимых обществу товаров, чтобы избежать невыгодных цен, но в то же время растущую потребность в этих товарах нужно встречать с пониманием, чтобы избежать народных бунтов, которые становятся весьма вероятными, когда терпение людей на исходе.

Те мудрые бизнесмены, которые используют спасительную толику саботажа, оказываются перед сомнительным выбором между болезненным сокращением чистой прибыли, с одной стороны, и угрозой неуправляемых народных беспорядков – с другой. Любой из вариантов означает бедствие. И существующее положение демонстрирует, что крупные предприниматели выбирают старинный обычай: держаться за прибыль от имущественных прав, пусть даже ценой этого будет недовольство народа – ведь волнения можно затем подавить с помощью судов и армии. Такое положение дел не должно вызывать удивление или негодование, поскольку в нем нет ничего необычного и это, по-видимому, самый быстрый способ достигнуть *modus vivendi*⁴. Кстати, за последние несколько недель крупнейшим промышленным концернам в разных частях страны было продано огромное число пулеметов, по крайней мере так говорят. Крупное предпринимательство – оплот Республики, и резонно принимать любые необходимые меры, чтобы его обезопасить. Цены имеют первостепенное значение, а средства к существованию – нет.

Тяжелое положение, вызванное войной, и последовавший за ней застой, в конце концов, исключительны только своим масштабом и серьезностью. По сути, все происходящее – это обычный процесс, непрерывный, но, как правило, незаметный, и для бизнеса уже ставший чем-то самым собой разумеющимся. И только критическая ситуация привлекает внимание к себе. В то же время она служит еще одним серьезным аргументом в пользу сознательного снижения эффективности как образца мудрого управления для любого промышленного предприятия. Но также стало ясно то, что привилегированные классы слишком серьезно заинтересованы в «благоприятном» замедлении отрасли, чтобы можно было положиться в этом на случайные и плохо координируемые инициативы частных предприятий, каждое из которых проводит свою стратегию саботажа. Саботажем лучше всего управлять с помощью центральной власти и всестороннего планирования, поскольку национальная промышленность представляет собой сложную систему, полную внутренних взаимосвязей, тогда как отдельные бизнес-концерны, которые призваны контролировать эту промышленность, обязательно будут действовать вразнобой, обособленно и разнонаправленно. Разумеется, такой разнобой достаточно сильно замедляет индустрию, но этот результат, полученный вслепую, нельзя назвать четким и ясным. Даже разумное количество договоренностей между заинтересованными концернами не позволило бы удержать всеобъемлющее подвижное равновесие саботажа, которое требуется, чтобы избежать краха или застоя в экономике или привести национальную торговлю в соответствие с потребностями крупных промышленников.

Там, где правительство заботится об интересах бизнеса, что характерно для цивилизованных стран, законодатели и правительство неизбежно будут в какой-то степени задействованы в управлении саботажем – в той малой доле, которая является частью работы по поддержке индустрии методами бизнеса и для целей бизнеса. Правительство всегда может оштрафовать чрезмерную или вредоносную торговлю. Все здравомыслящие сторонники меркантилизма⁵ всегда считали необходимым или по крайней мере целесообразным поддерживать

⁴ Модус вивенди (*лат.* *modus vivendi* – образ жизни, способ существования) – дипломатический термин, обозначает временные или предварительные соглашения, которые впоследствии заменяют другими, постоянного характера или более подробными.

⁵ Меркантилизм – экономическое учение периода раннего капитализма (XVI–XVII вв.). Различают ранний и поздний

с помощью пошлин и субсидий определенный баланс или соотношение между отраслями промышленности и торговли для блага национальной промышленной системы. Целью подобных мер обычно является наиболее полное использование национальных промышленных ресурсов и материалов, оборудования и рабочей силы; неизбежным результатом становится снижение эффективности и расточительное использование этих ресурсов, вместе с увеличением международной напряженности. Но указанные меры сторонники меркантилизма считают подходящими для достижения этой цели, а государственные деятели цивилизованных стран – для достижения целей крупных промышленников. Главное и практически единственное средство сохранения такого искусственного баланса в национальной промышленности – поддерживать товарооборот в некоторой критической точке, запрещая или облагая штрафом любой нежелательный избыток продукции. Полные или частичные запреты – это стандартный метод.

Наиболее ярким и типичным примером саботажа, организованного правительством, является, конечно, протекционистский тариф⁶. Он защищает интересы определенных групп, ограничивая конкуренцию с зарубежными производителями. Принцип заключается в том, чтобы сохранить поставки товаров минимальными, а цены максимальными, и таким образом принести довольно приятные дивиденды тем заинтересованным группам, которые предлагают эти товары, за счет остального общества. Протекционистский тариф – это типичный заговор с целью ограничения торговли.

Он приносит относительно небольшой, но огромный в абсолютных показателях доход заинтересованным группам, которые на этом зарабатывают, ценой огромных – и в относительных, и в абсолютных показателях – расходов для остального общества. Таким образом, безусловные права и нематериальные активы этих заинтересованных групп продолжают расти.

Аналогичный характер, роднящий эти меры с саботажем, – в части сознательного снижения эффективности – имеют правила выдачи акцизных и налоговых марок, несмотря на то что они не всегда разрабатываются именно для этих целей. То же можно сказать, например, про частичный или полный запрет алкогольных напитков, ограничения в торговле табаком, опиумом и другими вредными наркотиками, препаратами, ядами и взрывчатыми веществами. Похожим по воздействию (пусть даже задачи были другими) можно назвать «Закон об олеомаргарине»⁷; то же касается избыточно дорогих и обременительных инспекций, введенных в отношении производителей промышленного (денатурированного) спирта в интересах компаний, занимающихся другими видами горючего; то же касается исключительно досадных и изощренных спецификаций, которые ограничивают использование почты в интересах служб доставки и других транспортных компаний, предоставляющих данные услуги.

В той же связи стоит заметить, что с тех пор как почтовые компании поступили в ведение федеральной власти, их работа обросла таким количеством препон и задержек, что федеральный контроль над этими услугами оказался полностью дискредитирован и теперь общество явно предпочло бы вернуть почту под частное управление. Почти такое же положение дел наблюдается в железнодорожной отрасли. Саботаж работает как средство сдерживания, независимо от того, используется ли он правительством или против него.

меркантилизм. Наиболее видным представителем раннего является английский экономист У. Стаффорд, позднего – теоретик Т. Мен.

⁶ Протекционизм (*лат.* *protectio* – прикрытие, покровительство) – политика государства, направленная на защиту внутреннего рынка, с одной стороны, и активное поощрение выхода национальных компаний на внешние рынки – с другой. Действовала в эпоху первоначального накопления капитала в Европе (XVI–XVIII вв.).

⁷ Производство маргарина в США сначала было экономически нецелесообразно в связи с недостаточно отработанным способом рафинирования. Однако вскоре рафинирование было усовершенствовано, продажи маргарина стали расти, а его производство привлекло внимание политиков. В интересах молочных хозяйств Конгресс в 1886 г. утвердил ряд «антимаргариновых» законов, которые действовали в течение 64 лет. «Закон об олеомаргарине» 1886 г. вместе с последующими поправками 1902 и 1930 гг. устанавливал налоги сначала на белый, а позже и на желтый маргарин. Закон также требовал называть новый продукт только термином «олеомаргарин» (*oleomargarine*).

По правде говоря, конечно, я не собираюсь осуждать любой из этих видов саботажа. Это не вопрос морали или благих намерений. Всегда следует считать очевидным, что правительство предпринимает любые шаги для упорядочивания дел в стране – будь то меры ограничения или стимулирования, – руководствуясь исключительно мудростью и заботой о национальном благосостоянии и безопасности. Можно только добавить, что многие из этих мудрых мер ограничения и стимулирования по сути своей являются саботажем и что на самом деле они обычно, хотя и не всегда, вводятся в интересах привилегированных классов, владеющих и управляющих национальными ресурсами. Эти меры вполне законны и, по-видимому, благотворны, соответственно, и воспринимаются как само собой разумеющееся. И даже то, что они применяются для ограничения торговли и промышленности, считается проявлением мудрой деловой предосторожности.

Во время войны меры управления, характерные для саботажа, применялись более широко и разнообразно. Общество столкнулось с непривычными проблемами, требующими срочного решения. Как и следовало ожидать, их стали решать с помощью запретов, штрафов, ограничений и помех, сознательного снижения эффективности той работы, которая не соответствовала целям правительства. Когда ситуация принимает сомнительный и опасный оборот, государственный бизнес ведет себя так же, как и частный. Правительство стало прибегать к уловкам обременительных требований и стесняющих ограничений, например, во второстепенных отраслях промышленности. Также оказалось, что средства сбора и распространения новостей и другой информации успели достигнуть уровня, недопустимого в военное время. То же касалось механизмов общественного обсуждения любых вопросов. Эти средства, которые в мирное время казались скромными, накопили огромную мощь в годы войны, когда люди находились в постоянном напряжении и ежедневно хотели знать, что происходит в мире. Благодаря новейшим техническим усовершенствованиям в области транспорта и связи, обычные средства распространения информации и общественного мнения стали столь эффективны, что им уже нельзя было позволить работать на полную мощность в столь тяжелый для государства период. Даже почтовая служба стала показывать такие результаты, что пришлось прибегнуть к мерам выборочного снижения эффективности. Как и в случае с частным бизнесом, было принято решение запретить такую работу почты, как вредную для деятельности правительства, основанной на доброй воле и праве узурфрукта⁸. Эти безапелляционные меры привлекли большое внимание общественности и вызвали толику сомнения; но они, несомненно, были благом как по сути, так и по намерениям, вот только куда уж это понять неспециалистам – то есть простым гражданам. Неосторожное распространение информации и мнений или чрезмерно откровенная агитация со стороны этих неспециалистов может помешать работе правительства. Так по крайней мере они сами говорят.

Подобные вещи происходили в разных местах и в разные времена, так что все эти нервозные попытки саботировать распространение нежелательной информации и мнений не новы и характерны не только для демократии. Высшие государственные деятели великих монархий Востока и Запада давно освоили и опробовали те же меры. Но эти государственные деятели династических режимов занимались информационным саботажем из-за ощутимых противоречий между властью и народом, чего не должно быть в демократическом обществе. Считается, что Германская империя в период войны являла собой пример подобных противоречий, а также того, как можно поступать с недоверчивой и не заслуживающей доверия частью населе-

⁸ Узурфрукт (*лат.* *usus* – использование, *fructus* – доход) – вещественное право пользования чужим имуществом с правом присвоения доходов от него, но с условием сохранения его целостности, ценности и хозяйственного назначения. Предметом узурфрукта могут быть вещи, потребление которых возможно без их уничтожения, например, земельные участки, животные и рабы; денежный капитал не может быть предметом узурфрукта. Устанавливается пожизненно, на определенный срок, или с условием, наступление которого прекращает право узурфруктария (пользователя имущества).

ния. Способ заключается в саботаже, цензуре, запрете на коммуникации, а также на тщательно продуманной дезинформации.

Подобное поведение со стороны государственных деятелей империи выглядит вполне понятным. Но как это все могут использовать просвещенные демократические государства, такие как США, где правительство беспристрастно представляет интересы граждан и где, следовательно, не должно быть никаких разногласий и неприязни между властью и народом, – совершенно непонятно. И все равно в демократических странах существует достаточно строгая цензура, существует сознательное снижение эффективности средств связи – и в Европе, и в Америке, которая признана образцом самой простодушной демократии. И хотелось бы верить, что все это в конечном счете приносит какую-то пользу, поскольку в противном случае происходящее сильно озадачивает.

Индустриальная система и промышленные магнаты

Долгое время было принято выделять три фактора производства: землю, труд и капитал. Такая тройственная схема, которая остается распространенной и сейчас, сложилась, поскольку существует три признанных источника дохода: рента, заработная плата и прибыль; принято считать, что доход, откуда бы он ни поступал, является производственным фактором. Данная схема пришла к нам из XVIII века. Предполагается, что она была верна тогда, а значит, должна оставаться естественной, нормальной и истинной и в любых условиях, которые сложились с той поры.

В свете последних событий стало ясно, что именно в этой тройственной схеме упущено. Например, она не придает значения промышленным технологиям, поскольку те не приносят устойчивого исчислимого дохода ни одному классу; они не занимают никакой доли в годовой выработке товаров. Промышленные технологии – это акционерный капитал знаний, полученных из опыта прошлого, они существуют и передаются как неделимое имущество всего общества. Это базис для всей производственной индустрии, но, за исключением случаев с патентами или коммерческой тайной, этот капитал не является чьей-либо личной собственностью. По этой причине он не считается фактором производства. Технологический прогресс последних 150 лет был беспрецедентным, и то, что этот фактор напрасно не отмечен в концепции трех факторов производства, стало очевидным.

Другим упущением этой схемы в ее исходном виде был сам предприниматель. Но в течение XVIII столетия бизнесмен все более и более бесцеремонно выходил на передний план и забирал себе все более и более щедрую долю годового дохода страны, при этом, однако, как утверждалось, именно благодаря бизнесменам этот доход постоянно рос. Так что к тройственной схеме можно условно добавить четвертый фактор – в лице предпринимателя, чей доход, как принято считать, соответствует его созидательному потенциалу в производстве товаров, невзирая на то что все еще остаются некоторые вопросы относительно роли этого предпринимателя в производственной отрасли.

«Предпринимателем» называют человека, который занимается финансовой стороной дела. По сути, это слово означает то же, что и «бизнесмен», но обычно речь идет о крупном бизнесе, а не малом. Типичный предприниматель – это корпоративный финансист. И так как корпоративные финансисты обычно претендуют на немалую долю годового дохода общества, предполагается, что они должны служить мощной созидательной силой для производственной индустрии, которая и приносит годовой доход. Однако сейчас слово «производитель» приобретает значение «финансовый менеджер», как в экономической теории, так и в повседневной речи.

Конечно, спорить тут не о чем. Это вопросы словоупотребления. На протяжении всей эры машинной промышленности – которая также является эрой коммерческой демократии – бизнесмены контролировали производство и управляли индустрией страны, руководствуясь собственными интересами так, чтобы материальные средства всех цивилизованных народов продолжали возвращаться под финансовое управление этих бизнесменов. И в течение всего указанного времени не только условия жизни в цивилизованных странах были в целом вполне сносными, но и та индустриальная система, которой бизнесмены управляли, руководствуясь собственными интересами, становилась все более эффективной. Ее производительность в расчете на единицу оборудования или рабочей силы непрерывно росла. Этот похвальный результат был связан с доверием, которое общество оказывало бизнесменам. Эффективность индустриальных мощностей росла, конечно, вследствие продолжительного прогресса в технологии, увеличения добычи природных ресурсов, роста населения. Но и бизнес-сообщество внесло

свой вклад; его представители всегда могли препятствовать росту, и только с их согласия и их ведома процесс шел именно так и зашел столь далеко.

Этот длительный прогресс в производстве, в силу продолжительного прогресса в технологиях и увеличения населения, также имел другие известные последствия. Согласно либеральным принципам XVIII столетия, любой законно полученный доход означает, что выполнена продуктивная работа. Соответственно, увеличение производительной способности индустриальной системы заставило людей либерального и коммерческого сознания не только верить, что именно бизнесмены и промышленные магнаты создали такую производительность, но и смотреть сквозь пальцы на то, как эти магнаты обычно ведут дела, сдерживая производство. С тех пор все так и идет, и зашло уже столь далеко, что можно считать открытым вопрос: не стало ли основным занятием промышленных управленцев сдерживание производительности вместо ее увеличения?

Промышленные магнаты, среди которых можно выделить корпоративных финансистов и, с недавнего времени, инвестиционных банкиров, представляют собой один из институтов, создающих новый порядок вещей, что происходит во всех цивилизованных странах, с тех пор как началась промышленная революция. Их историю стоит изучить каждому, кто хочет осмыслить недавний рост и текущие тенденции нового экономического порядка. Корни промышленных магнатов следует искать среди инициативных англичан, которые взялись исполнять обещания промышленной революции в конце XVIII и начале XIX века. Этих магнатов раннего времени, вероятно, можно считать изобретателями, по крайней мере в широком значении этого слова. Но более существенно то, что они проектировали и строили фабрики, заводы, шахты, совершенствовали технические процессы, оборудовали предприятия машинами и станками. Они одновременно руководили производством и занимались финансовой стороной дела. Нигде эти начинающие промышленные магнаты не проявили себя так убедительно, как в среде английских промышленников того времени, которые проектировали, испытывали, строили, и выводили на рынок необходимые для производства станки, заложив основу машиностроения. Несколько позже почти такой же эффект произвела новаторская работа американцев в тех же направлениях проектирования механической промышленности и производства. Людям этого класса новый индустриальный порядок во многом обязан как своими первыми успехами, так и последующим развитием.

Это были промышленные магнаты, предприниматели – в том простом и всеобъемлющем значении этого слова, какое, вероятно, имеют в виду экономисты сотню лет спустя, когда речь заходит об оплате, причитающейся менеджменту за продуктивную работу. Эти магнаты сочетали в себе качества бизнесмена и эксперта в промышленности, и эксперт, кажется, был более ценен. Но владельцы фабрик, шахт и судов, а также торговцы и банкиры тоже составляли жизненно важную часть этого бизнес-сообщества, из которого позже и выросли корпоративные финансисты XIX и XX веков. Промышленный магнат имеет и коммерческие, и технологические корни, и в той ранней фазе его истории, как она рассматривается в традиционной экономической теории, он действительно занимался и тем и другим. Это было до больших масштабов, широкого размаха и глубокой специализации, к которым промышленная отрасль пришла позже.

Но по мере того как росли масштабы бизнеса, объем управленческой работы тоже рос и требовал все больше сил и времени. Управляющие постепенно склонялись к тому, чтобы уделять основное внимание финансовой стороне дела. В то же время и из тех же соображений бизнес-менеджмент в индустрии постепенно переходил на основу корпоративных финансов. Это привело к дальнейшему отделению владельцев промышленного оборудования и ресурсов от управленцев. Но одновременно промышленная система с технологической стороны демонстрировала рост диверсификации, специализации и сложности, а также производительности на единицу оборудования или рабочей силы.

Последний пункт, рост производительности, особенно существенен. В первые десятилетия машинной эры казалось очевидным, что основная цель менеджмента в промышленности – искать новые пути и способы модернизации, увеличивая производительность. Это было до того, как стандартизация и поточное производство привели к нынешним масштабам выпуска продукции. И отчасти по этой причине, поскольку массовое производство было незначительным и сильно ограниченным по сравнению с последовавшим ростом, обычный объем выпуска продукции в механической промышленности был относительно небольшим и поддавался управлению. Поэтому промышленные предприятия имели дело со свободным рынком, способным при необходимости усвоить большее количество товара. Исключения существовали, например, в текстильной промышленности. Но в целом в первые десятилетия XIX века ситуация была именно такова в английской промышленности, и еще более отчетливо все это проявлялось в промышленности американской. Такой свободный рынок давал равные шансы конкурирующим производствам, без существенного риска затоваривания. Тому же способствовал рост населения и достижения транспортной промышленности – и то и другое поддерживало свободный рынок при любых перспективах роста и при ценах, обещающих справедливую продолжительную прибыль. В таких условиях умеренно свободное конкурентоспособное производство было реально.

Положение в промышленности начало изменяться в середине XIX столетия в Англии и, соответственно, в более поздний период в Америке. Производительность механической промышленности стала заметно опережать способности рынка, свободная конкуренция больше не могла быть надежной опорой для производства. В широком понимании этот критический, или переходный, период связан с кризисом во второй половине XIX века в Англии; в других местах он пришелся на более поздний период. Конечно, к критической точке, когда нужды бизнеса начали диктовать политику объединений и ограничений, не все промышленные индустрии пришли одновременно; но все же в целом мы вправе сказать, что этот переход произошел в указанное время и по указанным причинам. На ситуацию влияли и другие факторы, помимо тех, которые я упоминал выше, менее значимые и менее явно выраженные, но ведущие к ограничениям того же рода. Например, быстрое устаревание промышленного оборудования вследствие усовершенствований и расширения производства, а также истощение рабочей силы из-за постоянной сверхурочной работы, недоедания и антисанитарных условий – но это касается Англии в большей степени, чем других стран.

По времени этот период в делах промышленного бизнеса примерно совпадает с приходом корпоративных финансов как обычного способа контролировать промышленное производство. Конечно, функции корпораций и компаний заключались не только в ограничительном контроле над производством ради формирования рентабельного рынка, но вполне очевидно, что комбинация собственности и централизации управления, характерная для корпораций, также чрезвычайно удобна для этих целей. И если оказывается, что корпоративная организация распространяется именно тогда, когда нужды бизнеса начинают требовать сокращения производства, трудно избежать вывода, что именно это было одной из целей. Можно говорить, что бизнес-предприятия переходили от конкурентного производства к сознательному снижению эффективности по мере того, как корпоративные финансы становились влиятельным фактором производства. Одновременно контроль над промышленными и другими предприятиями переходил в руки корпоративных финансистов. Корпоративная организация продолжала продвигаться к наибольшему и более всестороннему объединению сил, и в то же время корпоративный менеджмент все чаще и откровенней прибегал к ограничению производства в соответствии с требованиями рынка, чтобы получить максимальный доход. При корпоративном управлении редко бывает так, чтобы производительность приближалась к своему пределу. Такая ситуация начала складываться с тех пор, как объем выпуска продукции в промышленности стал превышать тот, который рынок выдержал бы при сохранении достаточно выгод-

ной цены. И с момента этого критического перехода – то есть где-то с середины второй половины XIX века – неизбежной стала практика сокращения и ограничения производства до того уровня и объема, какой способна усвоить торговля. Забота о бизнесе требовала все большего и большего внимания бизнесменов, и все большее место в их деятельности занимал контролируемый саботаж производства. И для этих целей, очевидно, корпоративная организация бизнеса очень удобна, поскольку грамотный саботаж можно устроить только с помощью единого плана и твердой руки.

«Лидеры в бизнесе – люди, которые учились и думали всю свою жизнь. Так они учились решать все свои проблемы сразу, основываясь на понимании фундаментальных принципов», – говорил Иеремия Дженкс⁹. То есть наблюдение за финансовой стороной промышленного бизнеса и управление саботажем свелись к рутине, основанной на установленных процедурах и осуществляемой обученными специалистами в области корпоративных финансов. Но, судя по ограничениям, которые накладывает на всю человеческую деятельность строгое бизнес-администрирование, бизнесмены далеки от понимания сути промышленных технологий. Привычка строго оценивать все с точки зрения цен и прибыли делает их неспособными воспринять те вещи, которые относятся сугубо к материальной механической производительности; ситуация усугубляется с каждым шагом в сторону бизнес-управления, а также в сторону более масштабного, диверсифицированного и тонко сбалансированного технологического процесса, требующего более сложного взаимодействия между участниками.

Магнаты – эксперты в ценах, прибылях и в финансовых маневрах; и при этом окончательный выбор во всех вопросах промышленной политики также остается за ними. Они по образованию и своим целям являются финансистами; и при этом, не будучи компетентны в технологиях, они пользуются безоговорочной свободой действий как промышленные магнаты. Они непрерывно скупают предприятия, достигая своих целей, как правило, за счет сокращения производства; и при этом продолжают пользоваться дотациями со стороны общества, которому необходим рост производства.

То же происходило во всех цивилизованных странах, с тех пор как корпоративные финансы начали управлять отраслью, и происходит по сей день. В последнее время устоявшаяся схема управления в бизнесе как будто начала уступать дорогу новшествам в организации предприятия, в результате чего контроль промышленного производства все больше склоняется к финансовой стороне дела и все дальше уходит от наращивания объемов производства. Эти изменения имеют двойственный характер: а) финансовые магнаты убедительно доказали свою промышленную некомпетентность, и б) следовательно, их собственная работа по финансовому управлению имеет характер стандартизированной рутины, которая не требует и не предполагает какой-либо значительной свободы выбора или инициативы. Они теряли связь с управлением промышленными процессами, в то время как управление делами корпорации переходило в руки бюрократического офисного штата. Корпоративный финансист, таким образом, становится чем-то вроде начальника бюро.

Изменения, которые сделали корпоративных финансистов чем-то вроде бесславных рядовых администраторов, происходили одновременно с первоначальным развитием корпоративных финансов, примерно в середине XIX века, и достигли кульминации примерно в начале XX, хотя только тогда результат проявился окончательно. Когда корпоративная организация и последовательный контроль производства начали приносить свои плоды, перед управленцами было два возможных пути: а) сохранить выгодные цены с помощью ограничения производства, б) сохранить прибыли, увеличивая выпуск продукции и снижая тем самым ее себестоимость. В некоторой степени использовались оба способа, но в целом первый вариант выглядел

⁹ Иеремия Уиппл Дженкс (1856–1929) – американский экономист и педагог. Профессор Дженкс интересовался политическими аспектами экономических проблем.

более привлекательным, он предполагал меньше рисков и требовал меньше познаний в технологиях производства. По крайней мере в течение полувека предпочтение и на самом деле отдавалось первому способу. Для этого были серьезные основания. Процессы производства становились все более масштабными, дифференцированными, сложными и все менее понятными для непрофессионалов – а корпоративные финансисты неизбежно были непрофессионалами по причинам, обозначенным выше. В то же время, благодаря росту населения и расширению индустриальной системы, объем продукции и чистый доход продолжали расти вопреки любым выдумкам со стороны финансового управления. Корпоративные финансисты как класс обнаружили, что их активы растут в цене, если придерживаться простой стратегии: «Сиди тихо». Эта стратегия понятна любому непрофессионалу. Все индустриальные инновации и вся активная экономия в отрасли не только предполагают понимание технологических деталей индустриальных процессов. Для любого человека, кроме обладающих глубокими познаниями технических экспертов, подобного рода телодвижения могут оказаться рискованными. Поэтому бизнесмены, которые занимались производством, будучи дилетантами в вопросах управления, смирились с растущей неэффективностью, поскольку они ничего не теряли. Результатом стал постоянный рост трат и нерациональное использование оборудования, ресурсов и человеческой силы во всей индустриальной системе.

Со временем, то есть в последние несколько лет, общее отставание и противоречия в работе механической промышленности под бизнес-управлением достигли таких масштабов, что их не может не заметить даже среднего ума непрофессионал, если только ознакомится с фактами. Но именно эксперты в промышленности, а не бизнесмены, начали критиковать это неумелое деловое руководство и пренебрежение потребностями производства. И до настоящего времени их советы и предупреждения бизнесмены оставляли без внимания, считая, что все и так хорошо – то есть хорошо в рамках недалководидной бизнес-политики, ориентированной на личную выгоду, пусть даже в ущерб материальным потребностям общества. Но в то же время происходили две вещи, которые нарушали устоявшийся порядок: промышленные эксперты, инженеры, химики, минерологи, различные технические специалисты занимали все более ответственные позиции в индустриальной системе, поднимались по карьерной лестнице и множились, поскольку система не могла бы работать без них. С другой стороны, финансовые круги, на поддержку которых полагались корпоративные финансисты, постепенно приходили к пониманию, что корпоративные финансы управлялись бы лучше всеобъемлющей бюрократической системой и что два столпа, на которых стоят крупные бизнес-предприятия, – это промышленные эксперты и большие финансовые концерны, контролирующие необходимые денежные средства; тогда как корпоративные финансисты всего лишь выполняют сомнительную роль прослойки между ними.

Один из величайших персонажей¹⁰ в сфере финансов частных предприятий США обратил внимание на эту ситуацию в конце 90-х годов XIX века и начал использовать ее в собственных целях и в интересах своих партнеров по бизнесу. Именно тогда наступила новая эра в американских корпоративных финансах. Ее принято называть Эрой прогрессивизма¹¹, но этот термин недостаточно точен. Правильнее считать ее Эрой инвестиционного банкира, и стадия зрелости и стабильности наступила в ней только в прошлой четверти нашего века.

Характерные черты и основные цели этого усовершенствованного метода в финансировании корпораций лучше всего будет продемонстрировать на примере деятельности и достижений его первооткрывателя, великого американского первопроходца. Иллюстрацией может послужить американский бизнес 90-х годов, который страдал из-за устаревших технологий и

¹⁰ Автор имеет в виду Теодора Рузвельта.

¹¹ Эра прогрессивизма – период в истории США (1890-1920-е годы), для которого была характерна высокая политическая активность социальных низов и среднего класса.

оборудования, ветхих помещений, из-за неразумного управления равнодушных представителей корпораций и особенно из-за использования саботажа и неустойчивой, бессистемной конкуренции между многочисленными сталелитейными концернами. По всей видимости, именно последняя проблема привлекла внимание великого пионера. Нельзя сказать, что он имел хоть какое-то представление о технологических потребностях и трудностях сталелитейной отрасли. Но как человеку, обладавшему трезвым взглядом и разбиравшемуся в финансах, ему было ясно, что более всесторонняя и, следовательно, более влиятельная организация и контроль сталелитейного бизнеса могут легко устранить большую часть конкуренции, дестабилизирующей цены. Очевидной целью нового масштабного объединения в сталелитейном бизнесе было поддержание выгодных цен при разумном ограничении производства. Вторым и менее заметным результатом стало более экономичное управление производством, связанное с избавлением от некоторого количества корпоративных финансистов и введением промышленных экспертов. Более долгосрочной, хотя и неафишируемой целью тех же изменений на каждом из многих предприятий в объединении, созданном великим первопроходцем и его конкурентами, был бонус для этих предпринимателей в виде увеличенной капитализации бизнеса. Но с точки зрения общества в целом, самым заметным результатом всего этого стала стабилизация цен на разумно высоком уровне, который гарантировал разумный доход от увеличенной капитализации.

Вскоре этот метод был усовершенствован и стандартизирован, и по сию пору никакие масштабные действия в сфере корпоративных финансов невозможны без совета и согласия крупных капиталистов, которые выступают в роли инвестиционных банкиров, ни одно крупное предприятие не может избежать контроля инвестиционных банкиров над крупными сделками, и ни одно крупное корпоративное предприятие не может работать ни на каких условиях кроме тех, которые приносят ощутимый доход инвестиционным банкирам, чья поддержка необходима предприятию для успеха.

Представители финансовых кругов, названные здесь инвестиционными банкирами, обычно составляют более или менее явные синдикаты финансовых фирм, и нужно добавить, что те же самые финансовые концерны, как правило, если не всегда, заинтересованы или задействованы в коммерческой банковской деятельности обычного рода. Так что те же самые респектабельные полусиндицированные разветвленные банковские сети, контролирующие кредитование и финансовую деятельность в стране, готовы взять на себя управление корпоративными финансами по единому плану и справедливо разделить доходы между собой и своими клиентами. Конечно, чем более всеобъемлюща эта организация, тем легче ей будет управлять промышленностью страны как единым целым и предотвращать любые рискованные инновации и эксперименты, а также лимитировать объем продукции таким образом, чтобы получить наибольший чистый доход для себя и их клиентов.

Несомненно, улучшенный план, согласно которому ответственность и право выбора отданы инвестиционным банкирам, должен был способствовать безопасному управлению бизнесом, стабилизации цен и исключать нежелательное ускорение производства. Также очевидно, что корпоративные финансисты выпустили из рук инициативу, опустившись до роли финансовых посредников или агентов, с ограниченными возможностями и сомнительным будущим. Но все человеческие институты совершенствуются, и, конечно же, усовершенствование может, как в этом случае, привести к исчезновению института или замещению его другим. И, несомненно, все это делается к лучшему, по крайней мере к лучшему для большого бизнеса.

Но теперь корпоративные финансы зависимы от кредитов больше, чем когда-либо. Следовательно, для стабилизации корпоративного бизнеса в руках этого банковского квазисиндиката необходимо, чтобы кредитная система в стране управлялась как единое целое и согласно единому плану. И тут все складывается так же; тот же квазисиндикат банкиров, который пользуется государственным кредитованием для поддержки корпоративных финансов, является

стражем кредитования в стране в целом. Из этого следует, что в случае крупных кредитов, которые имеют наибольшее значение, доходы и расходы, по сути, существуют внутри синдиката, так что дестабилизация на кредитном рынке может случиться только по воле этих квазисиндикатов; то есть тогда, когда они считают, что эта дестабилизация может послужить им на пользу, пусть даже и повредив остальной части общества. В такой закрытой системе никакие кредитные обязательства или умножение количества корпоративных ценных бумаг, ведущее к их обесцениванию, не грозят предприятию ликвидацией, поскольку доходы и расходы существуют внутри одной системы. В скобках отметим, что в данном случае слово «кредит» означает всего лишь метод учета. Кредитование – один из устаревших институтов, которые должны постепенно исчезнуть.

Этот процесс объединения и создания синдикатов, который изменяет мир кредитования и корпоративных финансов, получил огромную поддержку в Америке со стороны Федеральной резервной системы. В то же время подобные результаты были достигнуты и в других странах, подобными же методами. Эта система значительно помогла расширить, облегчить, консолидировать и объединить контроль над кредитованием и легко передала его в руки представителей крупного капитала, которые уже имели рычаги управления в кредитном и индустриальном бизнесе, благодаря обстоятельствам и дальновидной деятельности заинтересованных сторон. Таким образом, ядро кредитной системы страны представляет собой самоуравновешивающееся целое, закрытое и нерасторжимое, самозастрахованное от всех рисков и расстройств. Из этого следует, что бизнес в стране будет стабилизироваться, но поскольку финансовая деятельность превращается в лишнюю риска рутину, становятся ненужными и могут исчезнуть как корпоративные финансы, так в конечном счете и инвестиционные банкиры.

Финансовые магнаты и инженеры

Сегодняшняя индустриальная система во многом отличается от прежней. В первую очередь это система сбалансированная и всеобъемлющая; и эти ее качества определяются, скорее, взаимосвязанными технологическими процессами, нежели чем-то мастерским управлением. Она управляется, скорее, механически, нежели вручную. Она создана механической мощностью и материальными ресурсами, а не опытными мастерами и их инструментами; хотя рабочие с их опытом и инструментами также составляют важную часть этого колоссального механизма. Индустриальная система имеет безличную природу, как и наука, на которую она опирается. Она сводится к массовому производству специализированных и стандартизированных товаров и услуг. По этой причине система требует систематического контроля со стороны индустриальных экспертов, опытных технологов, которых, за отсутствием более подходящего термина, можно назвать производственными инженерами.

Индустриальная система представляет собой комплекс множественных и разнообразных механических процессов, взаимозависимых и сбалансированных таким образом, что надлежащая работа каждой из частей зависит от остальных. Следовательно, для наилучшего функционирования всей системы требуется совместная работа и взаимопонимание индустриальных экспертов и технологов; и в частности, требуется, чтобы между ними не возникало противоречий. Эти технические специалисты, без чьего надзора индустриальная система не смогла бы нормально функционировать, вместе формируют нечто вроде главного штаба, который определяет как тактику, так и стратегию в промышленной отрасли.

Такова природа индустриальной системы, от которой зависит благосостояние всех граждан. Она основана на всесторонней взаимозависимости, так что в отношении материального благополучия одни нации и сообщества не могут получать выгоду за счет других. В этом отношении все цивилизованные народы связаны друг с другом промышленными технологиями в единый концерн. И для должной работы этого концерна необходимо, чтобы объединения технических специалистов, которые обладают знаниями, умениями и заинтересованностью, могли распоряжаться ресурсами, оборудованием, рабочей силой независимо от интересов государства или крупных предпринимателей. Чинить любые преграды, устраивать диверсии или ограничивать промышленные мощности в интересах государства или предпринимателей – означает расшатывать эту систему, что ведет к чрезмерному снижению ее эффективности и, как следствие, к большим потерям как для системы в целом, так и для каждой из ее частей.

И все это время политики ограничивают и сдерживают мощь индустриальной системы, давая преимущества то одной нации, то другой за счет остальных; финансовые магнаты, опутанные противоречиями и сговорами, содействуют то одной заинтересованной стороне, то другой, опять же за счет остальных. В результате индустриальная система сознательно ограничивается посредством создания разногласий, неправильного управления, простоя материальных и человеческих ресурсов – такое происходит везде, где к этим механизмам прикасаются корпоративные финансисты и государственные деятели; и все цивилизованные страны страдают от лишений, потому что промышленные специалисты вынуждены подчиняться крупным предпринимателям и политикам, смиряясь с саботажем. Политикам и инвесторам все еще позволено решать вопросы индустриальной политики, которыми, очевидно, должны заниматься ведущие технические специалисты, ориентируясь не только на коммерческие цели.

Несомненно, может показаться, что я преувеличиваю бедствия индустриальной системы. Все вышеописанное не касается положения в Европе и США до XX века, а также отсталых стран, которые до сих пор существуют вне индустриальной системы. Только в течение прошлого столетия, по мере того как механическая индустрия постепенно взяла на себя производство товаров и услуг и перешла к массовому производству, индустриальная система при-

обрела всеохватывающий характер; и только в XIX столетии этот совокупный прогресс достиг критической точки, после которой все вышеописанное стало очевидным. И даже сейчас все это справедливо только применительно к ведущим индустриям, тем направлениям промышленности, которые непосредственно влияют на уровень жизни и в которых массовое производство стало повсеместным явлением. Речь, например, о транспорте и коммуникациях, производстве и промышленном использовании угля, нефти, электричества и энергии воды, производстве стали и других металлов, древесины, цемента и других строительных материалов, текстиля и резины, а также переработке зерна, мясной и животноводческой отрасли.

Остается, конечно, целый ряд направлений промышленности, которые напрямую не вовлечены или вовлечены только частично в эту сеть механических процессов и массового производства. Но эти направления, где все идет по-старому, тем не менее второстепенны по отношению к механически организованной индустриальной системе. Они играют зависимую или вспомогательную роль по отношению к тем основным отраслям, которые составляют ядро системы и задают тон остальным. А значит, в том, что касается этих основных отраслей промышленности, от которых зависит благосостояние общества, вышеприведенная характеристика будет в целом верна.

Но стоит отметить, что даже применительно к этим важнейшим, крупнейшим и основополагающим отраслям система еще не усложнилась чрезмерно; она способна довольно эффективно работать, даже столкнувшись с ощутимыми и постоянными нарушениями. Другими словами, индустриальная система пока не стала столь тонко сбалансированной структурой, чтобы обычная доля саботажа и нарушений, необходимая бизнесменам для контроля над производством, могла это производство парализовать. Индустриальная система еще не достаточно объединена. И в то же время уровень парализованности, от которой индустрия цивилизованного мира страдает уже сейчас вследствие законного делового саботажа, говорит о том, что близок момент, когда процессы в системе станут настолько взаимосвязанными и тонко сбалансированными, что саботаж даже в минимальных дозах окажется для нее фатальным. Расстройства и лишения, вызванные любой хорошо организованной крупной забастовкой, приведут к тому же эффекту.

В сущности, постепенное движение индустриальной системы к всестороннему равновесию проходит критическую точку, после которой уже нельзя будет доверять контроль над промышленностью бизнесменам, озабоченным лишь собственной прибылью, или кому-либо еще, кроме обладающих необходимыми знаниями технологических специалистов и производственных инженеров, лишенных коммерческого интереса. Что эти люди будут делать дальше, не совсем ясно; возможно, и того, что они сумеют совершить, окажется недостаточно; но ясно одно: текущее состояние технологий не выдержит долго контроля над производством со стороны крупных предпринимателей и их беспомощных менеджеров.

В самом начале, на ранних этапах роста механической промышленности и особенно в годы, следовавшие за Промышленной революцией, не было четкого разделения между индустриальными экспертами и управленцами. Это было до того, как индустриальная система успела далеко зайти в специализации и усложнении, и до того, как предпринимательство достигло действительно крупных масштабов; поэтому даже бизнесмены того времени, не имея технического образования, все же могли обеспечить разумный контроль и разобраться в технической стороне дела, которое финансировали и благодаря которому получали прибыль. Нередко те же люди, которые разрабатывали технологии и оборудование, брали на себя финансовую сторону дела, одновременно управляя цехами. Но с самых ранних этапов начало происходить постепенное дифференцирование между теми, кто разрабатывал и организовывал технологические процессы, и теми, кто управлял финансовыми потоками и занимался коммерческими вопросами. Соответственно, происходило и разделение власти между менеджерами и техническими экспертами. Последние стали определять, как сделать производство более про-

дуктивным и искать для этого различные пути и средства; а менеджмент продолжал решать, руководствуясь коммерческими соображениями, сколько работы должно быть сделано и какой вид и объем товаров и услуг должен быть произведен; и за менеджментом всегда оставалось окончательное решение, и именно так определялся лимит, который не могла превысить производительность.

С продолжавшимся ростом специализации росла роль экспертов; но их выводы о том, что и как следует делать, всегда считались второстепенными по отношению к выводам менеджеров о том, что целесообразно с точки зрения коммерческой выгоды. Это разделение между деловым и производственным менеджментом продолжило стремительно ускоряться, поскольку для эффективной организации индустриальных процессов требовалось все больше специальных знаний и опыта, и вместе с тем – нераздельного внимания тех, кто выполнял эту работу. Но специалисты, обладающие знаниями, опытом, интересом и навыками, – изобретатели, технологи, химики, минералоги, агрономы, производственные менеджеры и инженеры – продолжали работать на промышленных магнатов, то есть финансовых магнатов, которые извлекали из их способностей и навыков прибыль.

Нет необходимости добавлять, что магнаты всегда использовали технических экспертов и их знания лишь в той мере, в которой они могли послужить коммерческой прибыли, не зависимо от того на что они способны; не ориентируясь на объективные материальные ограничения или нужды общества. В результате производство товаров и услуг намеренно тормозится, не достигнув предела своих возможностей, из-за ограничения выпуска и расстройств производственной системы. Тому есть две основные причины, и вместе они на протяжении всей индустриальной эры не дают производственной системе работать в полную силу: а) коммерческая необходимость поддерживать выгодные цены заставляет сокращать производство с такой же скоростью, с какой технологический прогресс увеличивает производительность, и б) непрерывное развитие технологий требует все более глубоких и разнообразных специальных знаний, финансовые магнаты не могут угнаться за этим процессом и все хуже разбираются как в оборудовании, так и в навыках, необходимых нанимаемым работникам. В итоге цены поддерживаются на прибыльном уровне, скорее, за счет сокращения производства, чем за счет уменьшения себестоимости, потому что финансовые магнаты недостаточно разбираются в технологиях, чтобы добиться этого; но в то же время, будучи проницательными дельцами, они не могут целиком положиться на наемных специалистов, которым они не доверяют. Результатом становится слепой безрассудный выбор технологий и персонала и вытекающий из этого рост некомпетентности в управлении производством, сокращение производства ниже уровня, необходимого обществу, ниже реального уровня производительности индустриальной системы и ниже того уровня, который мог бы быть выгодным при более разумном управлении.

В первые десятилетия индустриальной эры ограничения, накладываемые на работу экспертов нуждами предпринимателей и их технической неграмотностью, не были серьезной преградой ни для развития технологий, ни для их применения в промышленности. Это было до того, как промышленность далеко продвинулась в своих масштабах, сложности и специализации; и до того, как технологи своей работой позволили развиваться такой продуктивности, которая непрерывно угрожает прибыльности бизнеса. Но постепенно, с ростом объема и специализации производства, оно стало требовать более высокой квалификации от технических специалистов. При этом сколько-нибудь эффективный менеджмент становится невозможен без все более высокой квалификации управленцев. В то же время и в силу тех же обстоятельств финансовые магнаты, все более замыкаясь на предпринимательские задачи, теряли связь с промышленными реалиями; и нужно признать, что при этом все меньше доверяли техническим специалистам, которых не понимали, но без которых не могли обойтись. Магнаты продолжают нанимать технических специалистов, чтобы те зарабатывали для них деньги, но они делают это

неохотно, экономно и с пронизательной осмотрительностью, ровно в том количестве, которое необходимо для получения прибыли.

Одним из результатов растущей медлительности и осторожности со стороны магнатов стала невообразимая расточительность в использовании материальных ресурсов, оборудования и рабочей силы в тех индустриях, где технический прогресс оказался наиболее значительным. Мягко говоря, это была позорная ситуация, к которой промышленность привели ограниченные индустриальные магнаты. Они же привели эпоху собственного правления к бесславному концу, упустив власть, которая досталась инвестиционным банкирам. Инвестиционные банкиры заняли позицию где-то между брокером по корпоративным ценным бумагам и андеррайтером по размещению займов – и эта позиция стала для них обычной. Растущий охват акционерных предприятий, а также растущее взаимопонимание между концернами внесли свой вклад в эти перемены. Но примерно в то же время инженеры-консультанты стали приходить к пониманию многих областей, которыми традиционно занимались корпоративные финансисты.

В обязанности инженеров-консультантов входили консультации инвестиционных банкиров в отношении промышленной и коммерческой надежности предприятия, которое должно подвергнуться андеррайтингу. Эти обязанности включали тщательное и беспристрастное исследование материальной собственности в каждом конкретном случае и столь же беспристрастную ревизию счетов и оценку коммерческих обещаний таких предприятий для банковского руководства или синдиката банкиров, которые были заинтересованы в этом как андеррайтеры. По этой причине росло число рабочих соглашений и взаимопонимание между консультирующими инженерами и банковскими домами, заинтересованными в андеррайтинге корпоративных предприятий.

Происходящее имело два последствия: опыт показал, что корпоративные финансы стали предметом всесторонней и стандартизированной бюрократической рутины, обязательно включающей в себя взаимосвязи между корпоративными концернами и наилучшим образом выполняемой канцелярскими служащими и квалифицированными бухгалтерами; и тот же опыт заставил взаимодействовать банкирские дома и технический «главный штаб» предприятий, без чьего надзора нормальное и прибыльное функционирование предприятия стало невозможным. Одновременно выяснилось, что корпоративный финансист образца XIX века уже не имеет большого веса на крупных и богатых предприятиях. Скорее он превратился в ненужную шестеренку в экономическом механизме, на которую только зря тратится смазка.

С тех пор как завершился переход от XIX века к XX, корпоративные финансисты потеряли главенствующую роль; она досталась инвестиционным банкирам, и теперь управление промышленностью происходило посредством стандартной бухгалтерской рутины, связанной с размещением ценных бумаг корпорации и колебаниями их цены, а также с регулированием уровня и объема выпуска на тех предприятиях, которые попали в руки инвестиционных банкиров.

По большому счету, таково сейчас положение в промышленности и в финансовом бизнесе, контролирующем индустриальную систему. Но это положение дел не стоит считать свершившимся фактом. Скорее, это то, к чему мы приходим сейчас и к чему продолжим двигаться в ближайшем будущем. Только в последние несколько лет состояние промышленности стало принимать более-менее ясные черты, и в наши дни только в лидирующих и прогрессивных отраслях производства, имеющих высокотехнологичный характер, ситуация сформировалась окончательно. В этих крупнейших и основополагающих отраслях индустриальной системы положение дел и тенденции совершенно ясны. Однако многое по-прежнему определяется режимом, основанным на методе проб и ошибок, агрессивном саботаже и системе «ты мне – я тебе». Во всем этом деловые магнаты старого образца чувствуют себя как рыба в воде, и такой режим остается лучшим, что они смогли измыслить для промышленности, которой

управляют. И вот повсюду, где технические специалисты принимают управление из слабеющих рук самопровозглашенных магнатов, и повсюду, где им приходится разбираться с уже созданными условиями производства, они обнаруживают свидетельства расточительности и неэффективности, последствия использования тех средств, которые можно было бы простить недалекому стареющему дилетанту, но не людям, разбирающимся в передовых технологиях и их работе.

Итак, рост и развитие индустриальной системы привели к исключительному результату. Технологии, на которых базируется промышленность, в возвышенном смысле можно назвать акционерным капиталом знаний и опыта всей человеческой цивилизации. Для этого необходимы обученные и тренированные люди – родившиеся, выращенные и обученные за счет человечества в целом. Также это все более настойчиво требует хорошо образованных корпоративных специалистов и экспертов в разных областях. Все они тоже рождаются и обучаются за счет общества и свои специфические умения берут из того же всеобщего капитала знаний. Эти эксперты, технологи, инженеры – как бы мы их ни назвали, составляют своеобразный главный штаб индустриальной системы; и без их беспрестанного надзора и управления индустриальная система не будет работать. Эта механически организованная система технических процессов создается, запускается и управляется производственными инженерами. Без них самих и без их пристального внимания все производственное оборудование будет просто грудой хлама. Материальное благосостояние общества полностью и теснейшим образом связано с работой индустриальной системы, и, следовательно, было бы лучше, если бы она контролировалась инженерами, кроме которых никто не компетентен в этом вопросе. Чтобы делать свою работу как нужно, эти люди должны быть свободны от коммерческих соглашений и ограничений; чтобы производить товары и услуги, потребные обществу, им не нужны ни контроль, ни вмешательство со стороны владельцев. Но пока абсентеистские собственники, которых, по сути, заместили синдикаты инвестиционных банкиров, продолжают контролировать индустриальных экспертов и деспотически ограничивать их свободу действий, исключительно ради собственной прибыли, и не заботясь о нуждах общества.

До настоящего времени эти люди, которые составляют главный штаб индустриальной системы, не сумели организовать себя в самоуправляемую силу; кроме того, они бессистемно контролируют случайные секторы, обычно связанные с оборудованием, без какой-либо прямой и значимой связи с теми сотрудниками, которых можно было бы назвать офицерами и рядовыми производства. Право нанимать и увольнять работников по-прежнему неотъемлемо принадлежит финансовым менеджерам и агентам. В итоге эксплуатация производственных мощностей зависит от предпринимателей, которые продолжают использовать эти мощности не на благо промышленности. Ни для кого не секрет, что под руководством производственных экспертов выпуск продукции резко вырос бы – по разным оценкам, этот рост составил бы от 300 до 1200 %. И ограничивает его одно – предприниматели и то, как они ведут дела.

Лишь совсем недавно технические специалисты начали проявлять классовое сознание и понимать, что они составляют главный штаб индустриальной системы. Это классовое сознание проявилось в первую очередь в понимании того, как расточительна и неразумна система управления, организованная финансовыми агентами абсентеистских собственников. Они начинают брать в руки контроль над этой системой, нерациональность которой тесно связана с финансовой стороной дела. Они начинают сознавать собственный позор и ущерб общественным потребностям. Поэтому инженеры начинают объединяться и задаваться вопросом: «Что со всем этим делать?»

Это робкое движение среди технических специалистов зародилось в последние годы XIX века, когда инженеры-консультанты, а затем «специалисты по повышению эффективности производства» начали вносить отдельные поправки в те вопросы, которые демонстрировали некомпетентность дилетантов прошлого поколения, ведущих бизнес консервативными

способами в ущерб индустрии. Как правило, инженеры-консультанты и тогда, и сейчас, по сути, техники-коммерсанты, чья работа состоит в том, чтобы повысить ценность предприятия с коммерческой точки зрения. Они сочетают в себе качества технического специалиста и финансового агента и окружены ограничениями обеих областей, не будучи полностью компетентны ни в одной из них. Они работают на инвестиционных банкиров, получая от них жалование или гонорары, поэтому им приходится вовремя переключаться с технического подхода на коммерческий. Проблемы специалистов по повышению эффективности производства (или научной организации труда) имеют в чем-то схожий характер. Они тоже оценивают, показывают и корректируют коммерческие недостатки управления индустриального истеблишмента, которое изучают, убеждая ответственных предпринимателей, что те могут зарабатывать больше за счет разумной эксплуатации производственных мощностей. В начале нового века достижения и взгляды этих двух групп индустриальных экспертов стали вызывать живой интерес; и не в последнюю очередь этот интерес был связан с демонстрацией отсталости, расточительности и противоречивости индустриальной системы, вызванных близоруким и непоследовательным управлением со стороны коммерческих авантюристов, гонящихся за наживой.

В течение первых лет нового века члены этой неофициальной гильдии инженеров в основном проявляли интерес к вопросу устоявшегося плохого управления, сопряженного с невежеством и коммерческим саботажем, не говоря уже о глупости происходящего с коммерческой точки зрения. Но среди этих людей в первую очередь молодые видели промышленность в ином свете – не только как источник прибыли. Так сложилось, что предыдущее поколение технических работников слишком коммерциализировалось. Их взгляды сформировались под влиянием многолетнего и непоколебимого авторитета корпоративных финансистов и инвестиционных банкиров, вот почему они видят в индустриальной системе только механизм для производства денег. То, что критикуют и предлагают сообщества, управляемые старшими инженерами любого возраста, по-прежнему демонстрирует их коммерческий уклон. Но новое поколение, которое приходит в этом веке, не хочет продолжать ту же традицию и благоговеть перед финансовыми магнатами.

Благодаря своим знаниям и, возможно, природной склонности, технические специалисты предпочитают подходить ко всему с точки зрения реальной, осязаемой производительности, а не коммерческого выхлопа, до тех пор, пока преклонение перед финансовыми магнатами не сделает преданность коммерческой стороне дела их второй натурой. Многие молодые люди начинают понимать, что инженерия начинается и заканчивается в области реальной работы и что коммерческая целесообразность не имеет к этому отношения. Конечно, они начинают понимать, что коммерческая целесообразность ничего не может дать инженерной деятельности кроме простоя, напрасных трат и разногласий. Четырехлетний опыт войны также был хорошим уроком. И технические специалисты начинают объединяться и находить точки соприкосновения в общей заботе о том, как достигнуть реальной производительности с помощью технологий, которые они знают лучше всего; и они постепенно приходят к согласию в том, что вместе составляют важнейший и незаменимый главный штаб индустрии, от чьей беспрепятственной работы зависит и ее судьба, и благосостояние всего общества. Также для этих людей, изучавших твердую логику технологий, реально только то, что может быть выражено в понятиях материальной производительности, поэтому они приходят к пониманию, что вся история с кредитными и корпоративными финансами – всего лишь дымовая завеса.

Кредитные обязательства и финансовые операции опираются на юридические формальности, которые происходят из XVIII столетия, то есть появились задолго до промышленности и потому не кажутся убедительными людям, приученным к логике этой индустрии. В рамках технологической системы, основанной на реальной производительности, корпоративные финансы и все связанные с ними манипуляции совершенно не важны; они вторгаются в рабочую схему только как непрошеное вмешательство, от которого можно избавиться, не нарушая

работу, просто приняв такое решение, то есть покончив с притворством абсентеистских собственников. Оно только замедляет и делает более затратной ту работу, о которой инженерам приходится заботиться. Поэтому следующий вопрос, который они должны задать по поводу этой ветхой материи собственности, финансов, саботажа, кредитования и незаслуженных доходов: на что они занимают землю? И на этот вопрос незамедлительно найдется готовый библейский ответ.

Сложно предположить, каким образом, как скоро, в связи с чем и с каким результатом гильдия инженеров обнаружит, что она гильдия, и что материальное будущее общества уже в ее руках. Но уже очевидно, что положение в индустрии и согласие среди инженеров к этому приведут.

До настоящего времени было принято полагаться на бесконечные и безрезультатные переговоры между капиталом и трудом, между агентами инвесторов и рабочими, в том что касается преобразований в области контроля над промышленностью и дистрибуцией и применением ее продуктов. Эти переговоры неизбежно происходили и продолжают происходить в духе предпринимательских сделок, торгов, покуда обе стороны стоят на священной земле частной собственности, свободного торга и самопомощи, в том виде, в каком их утвердила коммерческая мудрость XVIII века, до прихода озадачивающей индустриальной системы. Разумеется, в ходе этих вечных переговоров между собственниками и их рабочими случались временные объединения сил и требований с обеих сторон, так что у каждой из сторон образовалась некая личная заинтересованность и каждая отстаивает собственные интересы. Каждый борется за собственные цели и собственную прибыль, и в результате по большому счету некому представлять в этом споре заинтересованных сторон сообщество и индустриальную систему в целом. Итогом стали сделки и компромиссы в духе делового торга. Надо признать, что во время войны правительство принимало некоторые полумеры ради блага всей нации; но негласно предполагалось, что это чрезвычайные меры, невозможные в мирное время. В мирное время дела должны идти своим чередом, а инвесторы и рабочие – продолжать свои пререкания.

Эти переговоры обречены быть безрезультатными. Покуда узаконено право собственности на ресурсы и предприятия и покуда позволен любой контроль над производством, самое большее, что могут дать любые преобразования, – это меньшее вмешательство собственника в производственный процесс. Соответственно, нет ничего подрывного в этих переговорах между объединением рабочих и синдикатом собственников. Это игра на удачу и мастерство между двумя противоборствующими сторонами, каждая из которых отстаивает собственные интересы, и промышленность в целом здесь выступает только как жертва корыстных вмешательств. И все это при том, что материальное благосостояние общества, и не в последнюю очередь рабочих, опирается на беспрепятственную работу промышленной системы. Незначительные уступки в праве вмешиваться в производство с одной стороны могут привести лишь к столь же незначительным уступкам с другой.

Но в силу особого технологического характера индустриальной системы, с ее специализированными, стандартизированными, механизированными и тесно взаимосвязанными процессами производства постепенно сформировался род производственных специалистов, под чьим надзором функционирование индустриальной системы стало меняться. Они в силу обстоятельств стали хранителями общественного благосостояния, хотя на данный момент они, скорее, гарантируют свободный доход привилегированным классам. Они занимают места ответственных руководителей в индустриальной системе и в то же время готовы повелевать общественным благосостоянием. У них просыпается классовое самосознание, ими больше не движет коммерческий интерес – в той степени, в какой он мог бы сделать их заинтересованной стороной, подобно синдикатам собственников или объединениям рабочих. Они в то же время численно и по своим взглядам не представляют собой такую разрозненную и громозд-

кую массу, как рабочие, чье количество и разобщенные интересы делают все их притязания по большей части бесплодными. Проще говоря, инженеры готовы сделать следующий ход.

По сравнению с населением в целом, включая финансовую власть и привилегированные классы, технические специалисты очень малочисленны, но они незаменимы для функционирования промышленности. Так мало их число и так четко очерчен и однороден их круг, что сжатая и всеобъемлющая организованность стала бы чем-то самим собой разумеющимся, если бы только у достаточного количества участников появилась общая цель. И эту общую цель не нужно долго искать среди хаоса, беспорядка, расточительности и заторможенности, учиненных традиционным предпринимательством. В то же самое время технические специалисты – лидеры среди рабочих, среди руководящих и рядовых сотрудников предприятий, и те все более склонны следовать за своими лидерами во всем, что может содействовать общему благу.

Для этих людей, воспитанных в рассудительном духе реальной производительности и наделенных чем-то большим, чем сознание своего профессионализма, а также пристрастно относящихся к правилу «Живи и давай жить другим», отказ от устаревшего и разрушительного права абсентеистской собственности не станет ниспровержением священных обычаев. Устоявшееся право собственности, на основании которого крупные предприниматели продолжают контролировать индустриальную систему в интересах привилегированных классов, принадлежит устаревшему порядку вещей, а не индустриальной системе. Этот порядок проистекал из прошлого, основанного на притворстве и не значимых более вещах. Для целей реальной производительности, к которым движется мир технологов, все это не имеет смысла. Так что нет ничего удивительного в том, что гильдия инженеров должна объединить усилия и решительно избавиться от абсентеистской собственности, которая создает привилегированные классы и разрушает промышленность. И за инженерами встали бы легионы рядовых работников индустриальной системы, чувствующих себя несвободно и жаждущих перемен. Старшее коммерциализированное поколение среди них, конечно же, спросит: «Зачем нам это надо? В чем наша выгода?» Но молодое поколение скорее задаст вопрос: «Что нам терять?» И существует очевидный факт, что всеобщая забастовка технических специалистов, даже если охватит малую долю процента от всего населения, все равно станет катастрофой для старого порядка и навсегда сметет шелуху финансового и абсентеистского саботажа. Подобная катастрофа, разумеется, будет прискорбной. Она будет выглядеть как конец света для всех, кто стоял на стороне привилегированного класса, хотя может показаться заурядным событием для инженеров и легионов рабочих. Об этой ситуации можно горевать. Но неразумно терять самообладание из-за стечения обстоятельств. Не повредит подвести итоги и осознать, что в силу обстоятельств, перед Советом технических специалистов и солдатских депутатов открыта возможность сделать следующий шаг – какой угодно и когда угодно. Каким станет этот шаг, когда он будет сделан обывателю сложно составить уверенное представление. Но кажется очевидным, что индустриальная диктатура финансовых магнатов держится на терпении инженеров и они могут ее свергнуть в любой удобный момент по собственному усмотрению.

Об угрозе революционных переворотов

Большевизм¹² – это угроза для тех, кто наделен имущественными правами и привилегиями. Вот почему блюстителей имущественных прав повергает в трепет существование Советской России и вспышки той же «красной заразы» в разных частях континентальной Европы. Чудовищный страх вызывает то, что эпидемия большевизма может перекинуться на угнетенные массы в Америке и привести к низложению существующего строя, как только народ оценит ситуацию и перейдет к активным действиям. А ситуация непростая и грозит большой бедой, по крайней мере так ее воспринимают блюстители существующего строя. И это порождает страх, разрушительной силы страх, что любая информация или свободное ее обсуждение в обществе может привести к катастрофе. Отсюда весь этот доходящий до непристойности страх перед сложившейся ситуацией.

Блюстители имущественных прав, официальные и квазиофициальные, позволили этим зловещим предчувствиям взять верх над здравым смыслом. Перемены заставили их сойти с наезженной колеи и перейти к безрассудной политике шумихи и репрессий, чтобы скрыть и подавить начавшиеся процессы и пресечь возмущение и дискуссии. Одновременно блюстители имущественных прав лихорадочно мобилизовали все силы в надежде удержать ситуацию в руках, если все же случится худшее. Решающий вывод, к которому они пришли: перед лицом непредвиденных обстоятельств народные массы должны быть под контролем.

Единственный твердый принцип поведения для охранителей – бездействие, и с этим они, несомненно, прекрасно справляются.

Сейчас блюстители имущественных прав успешно препятствуют любым общественным дискуссиям или свободному обмену мнениями и идеями. Это не могло не вызвать раздражение и недоверие со стороны народа. Привилегированные классы, как известно, проявляли большой интерес к ведению войны, но не к заключению мира. И, несомненно, чем меньше известно об их деятельности в ходе войны, тем лучше и для общественного спокойствия, и для роста прибыли привилегированных классов. Но все же факты такой огромной общественной значимости, как их маневры во время войны и после нее, не должны замалчиваться и скрываться за счет круговой поруки. Умеренный резонанс был бы куда уместнее. Он может ни к чему не привести, но столь же неизбежен, как и то, что нечто важное вскоре выйдет на свет и, похоже, это будет нечто зловещее.

Всем добропорядочным гражданам, чтящим закон, должно быть понятно, что более дружелюбная политика примирительных обещаний и промедления была бы скорее кстати, чем шумное возвращение к управлению «железной рукой» и к Звездной палате. Толика знаний об истории, особенно о современной истории, прибавила бы охранителям немного здравого смысла. Более опытное по части беспорочной борьбы с недоброжелательно настроенным большинством благовоспитанное британское правительство справляется с подобными неприятностями куда лучше. Там уже знают, что агрессивные жесты вызывают ответную враждебность и что крайние средства лучше прибегать на крайний случай, тогда как блюстители имущественных прав явно готовятся к решительным действиям, в которых нет необходимости. Должно быть очевидно, что дело еще не зашло так далеко, чтобы для привилегированных классов не осталось другого спасения, во всяком случае, пока не зашло. И, несомненно, не зайдет, если принять правильные меры, чтобы избежать лишней тревоги и раздражения. Все, что нужно для сдерживания американского народа, – это застой и неопределенность по британскому образцу. И тогда с имущественными правами и привилегиями все будет в порядке – до поры до времени.

¹² Большевизм – по своей сути представляет собой радикальный марксизм, однако имеет с учением Маркса небольшие, но кардинальные различия.

История учит, что успешное народное восстание против институциональной несправедливости невозможно, до тех пор пока революционное движение не найдет способ удовлетворить потребности народа. Однако нельзя и предотвратить приближающийся переворот, если не удовлетворить эти потребности. Долгая история компромиссов, тайных соглашений, мировых сделок и поражений народа Великобритании в этом плане очень поучительна. И если кратко обозреть все факты, любому беспристрастному взгляду должно быть очевидно, что в Америке нет условий, которые нужны для успешного разрушения существующего строя и лишения собственности тех привилегированных классов, которые сейчас распоряжаются достоянием американского народа. Короче говоря, в силу обстоятельств для привилегированных классов США большевизм не представляет угрозы, если только блюстители имущественных интересов не начнут принимать такие меры, что большевизм покажется наименьшим злом. И это не лишняя оговорка, если учесть, насколько «красная истерия» охватила умы охранителей.

Ни одно движение против привилегированных классов в США не может надеяться даже на временный успех, пока не будет способно взять промышленность страны в свои руки и начать управлять ею более эффективно, чем это делают нынешние магнаты; сейчас нет организации, которая на это способна, и в ближайшее время не предвидится. Наиболее близко подходит под это определение только одна организация – это АФТ¹³, которую я упоминаю, только чтобы развеять иллюзию о возможности радикальных действий с ее стороны. АФТ сама по себе представляет наделенную имущественными правами группу людей, способную только сражаться за собственные привилегии и прибыль. В то же время наивно думать, что такая организация, как АФТ, была бы способна управлять сколько-нибудь значимым сектором промышленности, даже если бы собственные корыстные интересы не мешали ей пойти в этом направлении. Федерация была организована не ради производства, а ради того чтобы торговаться. Принципы, которые лежат в ее основе, не пригодны для управления ни промышленной системой в целом, ни ее частями. По своей сути это организация для стратегической борьбы с работодателями и конкурирующими организациям путем усиления безработицы и саботажа, а не производства товаров и услуг. И управляют ей тактики, поднаторевшие в переговорах с политиками и в запугивании наемных работников и работодателей, а вовсе не люди, разбирающиеся или заинтересованные в производстве качественной продукции и потоковом управлении. Они не являются – да им и незачем быть – техническими специалистами, а нельзя упускать из виду, что любой успешный переворот, которого опасаются встревоженные власти, будет в первую очередь техническим.

По сути, АФТ управляют нерешительные политики, и ее рядовые члены голосуют за кусок хлеба с маслом. Охранителям незачем беспокоиться по поводу АФТ, а других организаций, существенно от нее отличающихся и склонных к социальному перевороту, попросту нет, за сомнительным исключением Братства железной дороги¹⁴. АФТ – деловая организация с собственными имущественными интересами; ее задача – удерживать цены высокими, а предложение – низким, что вполне в духе привилегированных классов. Ни более эффективное управление, ни повышение объемов производства в эти задачи не входят. В лучшем случае цели и деятельность АФТ сводятся к тому, чтобы выгадать немного преимуществ для собственных членов по совершенно несоразмерной цене для остального общества.

Ни АФТ, ни любая другая организация для «коллективных переговоров» не навлечет на себя опасное внимание властей или полуофициальных тайных организаций. Их страхи, скорее, связаны с теми безответственными путниками индустрии, которые создали ИРМ, и отдельными незадачливыми бунтарями, чей вклад в общее дело ничтожен. Но можно смело утверждать, что все эти осколки индустриальной системы не созданы для того, чтобы взять на себя

¹³ Американская федерация труда (American Federation of Labor) – крупнейшая профсоюзная организация в США.

¹⁴ Братство железной дороги (Railroad Brotherhoods) – союз железнодорожных рабочих в США.

технически сложные обязанности, которые включает в себя управление индустриальной системой. Но именно они и их подобию привлекают внимание многочисленных комиссий, комитетов, клубов, лиг, федераций, объединений и корпораций, преследующих людей под красными флагами.

Везде, где механическая промышленность играет первостепенную роль, как в Америке и в двух или трех индустриализированных регионах Европы, общество сводит концы с концами только до тех пор, пока эффективная работа промышленности день ото дня обеспечивает населению средства к существованию. При этом нетрудно внести серьезный разлад в сбалансированный процесс производства, и это немедленно приведет к большим бедам для огромного множества людей. Действительно, таково положение вещей: легкость, с которой можно навредить индустрии, и трудности, которые это принесет обществу, и составляют основной капитал партизанских организаций вроде АФТ. Такие условия делают саботаж простым и эффективным делом и придают ему глубину и размах. Но саботаж – это не революция. В противном случае АФТ, ИРМ, Чикагских упаковщиков и Американский сенат можно было бы причислить к революционерам.

Далеко идущий саботаж, связанный с полным расстройством промышленной системы и большими бедами для общества в целом или его частей, легко может быть пущен в ход в любой стране, где доминирует механическая промышленность. К нему обычно обращаются обе стороны в любом противостоянии между работодателями и сотрудниками. Фактически это обычное средство для предпринимателей, и его использование в привычных рамках не вызывает серьезного порицания. В сложившихся после возвращения к миру условиях такая дезорганизация производства и сокращение объема выпуска – неизбежное средство «бизнеса несмотря ни на что». И те же разрушительные меры служат средством принуждения в любом революционном движении. Это привычные и очевидные средства развязывания революций в любой индустриализованной и коммерциализированной стране. Но в условиях нынешней промышленности любое революционное движение, которое достигнет хотя бы временного успеха, должно с самого начала быть готово преодолеть ущерб для промышленности, кто бы его ни нанес, и перейти к той конструктивной работе, которой потребует состояние промышленности и непосредственная зависимость общества от этой промышленности. Чтобы обеспечить результат и закрепить его хотя бы на время, любое революционное движение должно заранее обеспечить продуктивную работу индустриальной системы, от которой зависит материальное благополучие людей, а также разумное распределение товаров и услуг. В противном случае в существующих индустриальных условиях не удастся достигнуть ничего, кроме периода бедствий для населения. В индустриальном государстве даже кратковременные провалы в производстве товаров станут полным провалом для революционного движения. И тут бесполезно искать исторические примеры, поскольку современная индустриальная система и обусловленные ей тесные взаимосвязи внутри общества не имеют аналогов в прошлом.

Такое положение вещей, создающее условия для революционных переворотов, характерно для индустриальных стран; и ограничения, которые такое положение налагает, сильны в той мере, в какой люди в стране зависимы от индустриальной системы. Советский Союз можно привести в качестве противоположного примера. Если сравнивать с Америкой и большей частью западной Европы, Россию нельзя назвать в полной мере индустриальной страной, несмотря на то что она полагается на механическую промышленность в большей степени, чем принято считать. Действительно, зависимость России от промышленности так велика, что она еще может сыграть решающую роль в противостоянии между Советской Россией и Союзными державами¹⁵.

¹⁵ Так действительно и получилось, Советская Россия создала один из самых крупных промышленных комплексов в мире. Все ее силы были брошены на развитие индустрии. Особенно это стало заметно после окончания Второй мировой войны, из

Несомненно, именно успехи советской власти в России нагоняют священный ужас на блюстителей имущественных прав в Америке и цивилизованных странах Европы. Нет смысла отрицать, что Советская Россия достигла определенного успеха, несмотря на предельно неблагоприятные условия. Об этом факте можно сожалеть, но он реален. Советы планомерно продвигались вперед в материальном отношении, далеко превосходя те показатели, которым позволяет проникать в прессу цензура Союзных держав. И продолжающийся успех большевизма в России – во всяком случае, в той мере, в какой он был достигнут, – это несомненный повод для беспокойства для добропорядочных граждан по всему миру; но это ни коим образом не подтверждает, что аналогичный успех может быть достигнут подобным революционным движением в Америке, даже без вмешательства извне.

Советская Россия достойно держится до сих пор, несмотря на перевес со стороны противника; и до сих пор не ясно, смогут ли Союзные державы свергнуть власть Советов, даже задействуя все свои силы и реакционные элементы в России и соседних с ней странах. Но Советы обязаны своим успехом тому, что русские не подверглись такой индустриализации, как их западные соседи. Они смогли вернуться к более ранней, более простой и менее взаимосвязанной системе производства, и каждая часть российского общества способна в крайнем случае обеспечить себе средства к существованию самостоятельно, собственным трудом, без постоянной зависимости от материалов и товаров, привозимых из зарубежных портов и далеких регионов, как это бывает в индустриально развитых странах. Этот старомодный план домашнего производства не требует существования индустриальной системы так, как крупное машиностроение. Индустриальная система в России, это правда, также опирается на внутренние взаимосвязи и баланс; ей также требуются и машиностроение, и международная торговля, но в течение какого-то времени трудолюбивый народ, близкий к земле и умеющий работать руками, способен неплохо содержать себя даже в изоляции от более развитых индустриальных центров и от удаленных источников сырья. Несведущих людей – то есть умников от коммерции – такая способность русских жить и работать в условиях блокады приводит в недоверчивое изумление.

Только боевая мощь и только для целей агрессивной войны в таком обществе не может сравниться с мощью развитых индустриальных стран. Но страну с таким народом трудно завоевать извне. Советская Россия – автономная страна, и это делает ее очень защищенной, так что Союзным державам наверняка будет тяжело ее подчинить, но не должно быть ни тени опасения, что Советская Россия предпримет атаку на любую другую страну с развитой промышленностью.

Государственные деятели Союзных держав, которые ведут сейчас негласную войну против Советской России, в состоянии это понять; в особенности те американские государственные деятели, которые под давлением общественного мнения были вынуждены скрепя сердце ограничивать и скрывать свои связи с реакционными силами в Финляндии, Польше, Украине, Сибири и т. д. Они отчаянно старались разобраться в положении вещей в Советской России, но в то же время отчаянно старались выдавать как можно меньше информации – для этого и трудилась цензура. Публичные проявления тревоги официальных и полуофициальных лиц по поводу большевистской агрессии можно спокойно отнести к уловкам правительства. Оно ведет себя осмотрительно. В действительности же власти боятся проникновения из-за советской границы духа большевизма, что может нанести ущерб имущественным интересам, которые защищает это правительство.

С этой точки зрения тревогу почтенных политических деятелей нельзя назвать беспочвенной; не требуется также особых исследований, чтобы понять, что во всей цивилизованной Европе или Америке не найдется ни единого уголка, где основному населению было бы что

терять из-за разрушения сложившегося строя, которое бы лишило высшие слои общества их привилегий и имущества. Но коммерциализированная Америка – не то же самое, что Советская Россия. В целом Америка – это развитая индустриальная страна, опутанная плотной сетью индустриальной системы. Состояние промышленности и, следовательно, необходимые для успеха условия радикально отличаются в двух странах, что обязательно повлияет на результат любого бунта. Так что, хорошо это или плохо, но основные направления, которым необходимо следовать, чтобы организовать продуктивное революционное движение в этой стране, уже заложены материальными условиями ее промышленности. В ответ на призывы к бунту может последовать череда мятежей, но они ни к чему не приведут, до тех пор пока движение не освоит основные направления менеджмента, которые требуются индустриальной системе, чтобы обеспечить устойчивый успех. Революционная стратегия должна включать направления технической организации и индустриального управления, которые необходимы организации, чтобы обеспечить материальный базис для цивилизованного общества. Соответственно, способы достижения целей не только должны радикально отличаться от тех, что работают в таком индустриально отсталом регионе, как Россия, но и не имеют параллелей в прошлом революционного движения. Перевоороты в XVIII веке были военно-политическими, и почтенные государственные деятели до сих пор думают, будто сейчас революции могут осуществляться теми же путями и средствами. Но любой значимый и успешный переворот в XX столетии станет переворотом промышленным; и подавить или сдержать его можно будет только промышленными путями и средствами. Случай Америки, несмотря на опасения по поводу большевизма, обсуждать нужно, учитывая ее особенности, и это обсуждение непременно сведется к путям и средствам промышленности, что обусловлено непрерывным развитием технологий.

Мы уже говорили о том, что существующий порядок ведения дел, имущественных прав и коммерческого мышления должен скатиться в позорную неразбериху, поскольку он перестал быть практичной системой индустриального управления в условиях, которые сложились в результате развития технологий. Система имущественного права XVIII века не поспевает за технологиями века XX. Опыт последних лет учит, что обычное управление промышленностью, связанное с бизнес-методами, стало неэффективным и расточительным, и все с очевидностью показывает, что любой бизнес-контроль над производством и распространением все больше и больше приходит в противоречие с интересами общества, развитием технологий и распространением промышленности. Так что нет сомнений в том, что привилегированные классы в промышленности ждет поражение. Но конец еще не настал. Однако нужно признать, что по мере развития технологий, а также сложности и масштаба промышленной системы, будет расти и некомпетентность, бесполезность и нахальство контроля со стороны предпринимателей.

Сложно предполагать, как далеко может зайти это коммерческое слабоумие. Некоторые считают, что существующая система предпринимательского менеджмента должна развалиться в течение двух лет, некоторые с той же уверенностью дают ей в несколько раз больший срок, хотя последние, как правило, хуже знакомы с положением вещей. Многие знающие люди сомневаются, что система продержится долго. Но вместе с тем они готовы с опаской признать, что остается еще некоторый запас прочности и нет оснований с уверенностью ждать катастрофы в предпринимательстве в ближайшие два года. И чтобы успокоить встревоженных блюстителей имущественного права, следует добавить, что если перелом наступит при нынешнем положении вещей, он не приведет к уничтожению сложившегося порядка, до тех пор пока не будет разработан план передачи управления из ослабевших рук привилегированных классов. Если же перелом чьими-то стараниями наступит при нынешнем положении дел, результатом станет разве что временный, хотя и довольно протяженный период смятения и бедствий среди основного населения, а также спад в промышленности. Нет причин ожидать, что сложившийся порядок серьезно пострадает от столь краткосрочного раздора. По правде говоря, собственности привилегированных классов в Америке ничего не угрожает, по край-

ней мере сейчас. Каких-то проявлений недовольства можно ожидать и в ближайшее время – и даже неосторожных попыток мятежа со стороны неблагоприятных бунтарей. Обстоятельства, видимо, будут благоприятствовать подобным настроениям. Согласно осторожным оценкам, уже наступил период лишений и неуверенности в завтрашнем дне для основного населения, и все это можно предотвратить, только ущемив имущественные права предпринимателей страны – но это выглядит весьма маловероятным в силу той почтительности, с которой государственные служащие защищают привилегии «бизнеса несмотря ни на что». Так, например, сейчас (в сентябре 1919 года) есть надежные сведения, что топливный голод ждет Америку уже этой зимой, как следствие благоразумного бизнес-менеджмента; и что одновременно по той же причине американскую транспортную систему ждут простои и безработица – если только не вмешается провидение и не повлияет как-то на погоду. Но период голода и нарушения общественного порядка не уничтожит существующий строй; привилегированные классы сохранят за собой право пожизненного пользования промышленностью страны – по крайней мере пока.

Столь обнадеживающее положение вещей может выглядеть достаточно убедительно и без лишних аргументов. Так что перейдем к следующим доводам: объясним в общих чертах, каковы пороки режима привилегированных классов, с помощью которых более оптимистичные мятежники рассчитывают привести этот режим к бесславному финалу в ближайшем будущем, а также изложим, опять же в общих чертах, какой должна быть организация индустриальных сил, чтобы сбросить режим привилегированных классов и разумно управлять промышленностью.

Обстоятельства, ведущие к переменам

Состояние индустрии в Америке, как и в других странах, определяет условия для любых движений, которые стремятся избавиться от привилегированных классов. Эти условия в природе вещей, то есть в природе существующей индустриальной системы, и пока они не сойдутся в определенном порядке, захватить промышленность не удастся. И все, что в этом отношении верно для Америки, будет верно и для других стран с развитой промышленностью и принципом абсентеистской собственности.

Также с самого начала можно уверенно заявить, что предпринятый здесь беспристрастный обзор фактов показывает: привилегированным классам незачем тревожиться по поводу народных восстаний в Америке, даже если раздражение общества заметно возрастет, и даже если отдельные сторонники «прямых действий» окажутся столь опрометчивы, что предпримут попытки бунта. Единственная опасность состоит в том, что неистовая кампания репрессий со стороны блюстителей имущественных прав может вызвать временный всплеск недовольства.

С этой точки зрения необходимо в общих чертах напомнить основные факты об индустриальной системе и деловом контроле над этой системой. Сложившийся деловой порядок базируется на абсентеистской собственности и управляется с прицелом на максимальную достижимую чистую прибыль, то есть это система делового управления на коммерческой основе. Народ зависит от работы этой системы, поскольку она обеспечивает его средствами к существованию; следовательно, интересы народа сконцентрированы на объеме производства и сбыте, а не на росте прибыли абсентеистских владельцев. Следовательно, существует раздел интересов между деловыми кругами, которые работают на благо абсентеистских собственников, и основным населением, которое зарабатывает себе на жизнь; и этот разрыв ширится, становится все более заметным день ото дня. Это порождает противоречия и взаимное недоверие. Вместе с тем население все еще достаточно почтительно относится к собственникам и неприкосновенности их права на свободный доход.

Торгово-промышленные фирмы, которые управляют промышленностью в соответствии с принципом абсентеистской собственности, обращают в капитал свою торговую, а не промышленную дееспособность, то есть способность производить доход, а не товары. Их капитализация, в сущности, вычисляется и фиксируется на основе самого высокого достигнутого уровня доходов, и под страхом банкротства бизнес-менеджеры вынуждены поддерживать соотношение доходов и расходов на том же уровне. Соответственно, из соображений безопасности цены тоже должны держаться на том же уровне или расти.

Необходимость покрывать эти дополнительные расходы на капитализацию приводит к расточительности и помехам, неизбежным, пока индустрия управляется бизнес-методами и ориентируется на бизнес-цели. Эти привычные потери и трудности составляют неотъемлемую (и не порицаемую) часть принципов делового управления индустрией. Проблем много, и они различаются в деталях, но для удобства их можно разделить на четыре вида:

1) незадействованность материальных ресурсов, оборудования и человеческой силы, сознательная или связанная с некомпетентностью;

2) «искусство продавать» (включая бессмысленное увеличение числа продавцов и магазинов оптовой и розничной торговли, газетной рекламы и рекламных щитов, выставок-продаж, торговых агентов, создание привлекательной упаковки, фальсификации, увеличение числа брендов и торговых марок);

3) производство (и затраты на продажу) предметов роскоши и фальшивых товаров;

4) систематическая дезорганизация, саботаж и избыточность, что происходит отчасти в соответствии с бизнес-стратегией, отчасти в силу технологической неграмотности (включая такие вещи, как встречные перевозки, монополизация ресурсов, сокрытие усовершенствована-

ний и информации от конкурентов, которым, как считается, нужно препятствовать или устранить их).

Разумеется, эти постоянные потери и помехи, которые составляют обычный рабочий день бизнес-менеджера, не вызывают ни порицания, ни вины или страха. Все это правомерная и необходимая часть сложившегося порядка в ведении дел предприятия, в рамках закона и торговой этики.

«Искусство продавать» – это наиболее заметная и, возможно, самая серьезная и затратная составляющая тех расточительных и технологически бесперспективных методов, на которых основан деловой подход к промышленности; оно дорого обходится как в плане непосредственных расходов, так и в плане далеко идущих последствий. Это также в целом законная и обязательная часть любого бизнеса, который имеет дело с клиентами, с покупками и продажами; то есть, можно сказать, любого бизнеса, связанного с производством и распространением товаров и услуг. Разумеется, продажа товаров – это сущность и цель любого бизнес-предприятия; и само по себе производство товара, если оно не имеет своей целью выгодную сделку, не является бизнесом. Ликвидация выгодных сделок купли-продажи – это то, на что надеются создатели бунтарских движений, и то, чего до дрожи боятся блюстители существующего порядка. Умение продавать – это также наиболее необходимое и похвальное из качеств благополучного предпринимателя. Несомненно, в среднем половину стоимости товара потребитель отдает «продажникам» – то есть на торговые издержки и на их чистую прибыль. Но во многих отраслях расходы на продажу в десятки раз превышают производственные издержки, и в сотни раз – действительно необходимые расходы на сбыт. И это не становится поводом для обвинений. Фактически сейчас продажи выходят на первый план – как основа коммерции и промышленности, а также все больше внимания уделяется обучению продажам все большего числа молодых людей за государственный счет, чтобы продавать намеренно ограниченное количество товаров как можно дороже за счет общества. Вместе с тем растут и расходы на все виды рекламы, и бизнесмены с гордостью говорят о том, что американское предпринимательское сообщество за последний год израсходовало уже более 6 млрд долл, только на билборды, не говоря уже о суммах, потраченных на газеты и другую печатную продукцию, – и за все это платят обычные люди.

В то же время реклама и завлекающие маневры «продажников» кажутся единственным ресурсом, с помощью которого предприниматели могут облегчить последствия всех неурядиц, в которые поверг коммерческий мир взрыв делового благоденствия. Растущие торговые издержки призваны спасти от последствий недопроизводства. В связи с этим стоит напомнить, не раздражаясь и никого не обвиняя, что вся дорогостоящая реклама, стоимость которой входит в торговые издержки, по природе своей – уловка, если не большая ложь. А тем временем расходы на торговлю превышают расходы на производство, жизнь для народа становится все дороже, а торговые издержки продолжают расти.

Разумно предположить, что положение вещей, к которому мы постепенно пришли, рано или поздно станет понятным для народа, хотя бы в какой-то степени.

И еще разумнее предположить, что, когда народ поймет, как расточительность торговых издержек расходует производственные ресурсы, не давая людям взамен ничего, кроме повышенной стоимости жизни, они захотят что-нибудь с этим сделать. И поскольку люди понимают все больше и больше, результатом становится растущее недоверие к бизнесменам и всей их работе и обещаниям. Но население все еще очень доверчиво относится ко всему, что делается во имя Бизнеса, так что ждать мятежа пока рано. Но в то же время очевидно, что любой план управления, который позволил бы обойтись без таких торговых издержек или существенно снизить их, освободил бы огромные средства для дальнейшей работы и дал бы большие шансы на успех. И столь же очевидно, что бизнес-менеджмент на это не способен, поскольку торговые

издержки служат задачам только бизнеса, а не индустрии, их цель – личное обогащение, а не благо производства.

Но в действительности в ближайшее время не стоит ждать разрушения бизнес-модели из-за растущих торговых издержек, несмотря на то что они будут увеличиваться, пока промышленность в стране управляется подобным образом. Расходы на продажу товара – основной фактор, из-за которого растет стоимость жизни, что, в свою очередь, – основной фактор процветания в бизнес-сообществе и основной источник трудностей и разобщенности среди населения. Стоит заметить, что возможное ограничение навязывания товаров и торговых издержек облегчит бремя для производства где-то на 50 %. Это заметный стимул, чтобы отказаться от системы абсентеистской собственности, на которой базируется современное предпринимательство, и с этим связан сдвиг в сторону революционного переворота, нацеленного на свержение привилегированных классов. Но в то же время устранение торговли и всего этого объемного аппарата и нагрузки может также вдвое снизить доходы бизнеса; и охранители не задумываются об этом противоречии всерьез, не говоря уже о том, чтобы отнестись к нему беспристрастно; хотя в руках этих людей судьба всего общества.

С расточительными тратами на торговлю тесно связана – если не сказать, служит их продолжением – незадействованность людей, оборудования и ресурсов, за счет которой производство товаров и услуг удерживается в пределах «требований рынка», чтобы цены не оказались меньше «приемлемо выгодного уровня». Такая незадействованность, преднамеренная и уже привычная, – одно из рядовых средств бизнес-менеджмента в индустрии. В каком-то объеме она всегда присутствует. Без нее нельзя гарантировать «приемлемую прибыль», потому что «то, сколько нужно рынку» – это ни в коем случае не то, сколько способна произвести индустриальная система, и уж тем более не то, сколько нужно обществу. В целом пресловутые нужды рынка нельзя соотнести ни с чем. Это особенно заметно в тяжелые для народа времена, вроде этого года, когда выпуск продукции далек от того, чтобы покрыть нужды общества, что в современной бизнес-стратегии считается разумной незадействованностью производительных сил в стране. В то же время простой оборудования и рабочей силы – одна из основных причин того, что народ бедствует.

Все это хорошо знают бюстители имущественных прав, и это знание вызывает у них беспокойство. Но они не видят выхода из ситуации; да его и нет, если действовать в рамках «бизнеса, несмотря ни на что». Кроме того, охранители осведомлены, что этот деловой саботаж в производственной промышленности – постоянный источник недовольства и недоверия среди населения, которое страдает от неудобств; и они боятся, что население будет нетрудно спровоцировать на бунт против привилегированных классов, ради нужд которых этот намеренный и привычный саботаж устраивается. Чувствуется, что это еще одна весомая причина, почему с бизнес-менеджментом в индустрии нужно заканчивать, другими словами, это весомая причина для переворота, который положит конец абсентеистской собственности и доходу капиталистов. Также очевидно, что план, который позволит избавиться от незадействованности рабочей силы, оборудования и ресурсов, получит большую фору как в практической эффективности, так и в отношении людей. И очевидно, что с этим не справится никакой бизнес-менеджмент, поскольку только далекая от бизнес-подхода администрация – как советская власть, например, – будет свободна от главного страха любого бизнес-менеджера: как бы не дать ценам упасть.

Но вместе с тем все эти оптимистично настроенные персоны, которые ждут избавления от абсентеистской системы в течение двух лет, не рассчитывают на расточительность «продажников» или саботаж дельцов как на причину катастрофы. Больше они полагаются на последний пункт в приведенном выше списке: «Систематическая дезорганизация, саботаж и избыточность, что происходит отчасти в соответствии с деловой стратегией, отчасти в силу технологической неграмотности». Житейская мудрость бизнес-менеджеров, гонящихся за нажи-

вой, гармонично сочетается с их технологическим невежеством, что вкупе дает эффективное уничтожение индустриальной системы страны. Но мрачные надежды на коллапс в течение двух лет все же слишком оптимистичны. Народные массы готовы смиренно и дальше терпеть то, к чему привыкли – по крайней мере до тех пор, пока они не задумываются о происходящем. Не стоит надеяться и на то, что эти повсеместные потери и дезорганизация в промышленности сами приведут бизнес-систему к коллапсу в короткое время.

Индустриальная система продолжает расти в масштабе и сложности; и с каждым новым уровнем, с каждой новой технологией, повышающей эффективность, для бизнесменов появляются и новые возможности расширить и ускорить их стратегию по торможению и разрушению – то, что составляет их обычную работу. По мере того как индустриальная система растет и в ней множатся внутренние связи, она предлагает все больше заманчивых возможностей для деловых маневров, которые расстраивают систему, но зато позволяют нанести тактическое поражение конкурентам, чтобы успешный бизнес-стратег мог получить свою незаслуженную долю за счет общества в целом. С каждым этапом роста и развития индустриальной системы она становится все более тонко сбалансированной, все более опутанной взаимными договоренностями, более чувствительной к ударам, наносимым любыми локальными неурядицам, и к нарушениям любых взаимосвязей. И вместе с тем промышленные магнаты, заботящиеся об интересах абсентеистских собственников, могут (или, верней, принуждены конкуренцией) все успешнее планировать стратегии разгрома и расстройств в более многочисленных и сложных направлениях, с большим размахом и привлечением сил. Из этого следует растущая ненадежность работы и производства изо дня в день и уверенность в дальнейших потерях и дестабилизации; и это сочетается, между прочим, с растущими трудностями для населения – что, конечно, дело второстепенное, неприятное, но неизбежное. Неспособность нынешней системы бизнес-менеджмента удовлетворить потребности индустрии, неспособность позаботиться о нормальном взаимодействии сил внутри нее, противоречия в работе с энергоресурсами, людьми и оборудованием – все это говорит о том, что бизнес-менеджмент несовместим с техническими реалиями индустриальной системы, и это убеждает некоторые встревоженные умы, что терпение людей в отношении такой модели предпринимательства скоро будет исчерпано. И многие уже понимают, что нынешняя система абсентеистской собственности должна рухнуть по причине полного слабоумия.

Теория, на которую эти встревоженные умы опираются, в сущности разумна, но они пришли к неоправданным выводам, поскольку упускают одно из важнейших обстоятельств дела. Индустриальная система страны всегда со временем становится более масштабной и комплексной, все более пронизанной взаимосвязями и цельной, тонко сбалансированной движущейся конструкцией, где ни одна из частей не может работать сама по себе, без тесного взаимодействия с остальными. В то же время верно, что в силу своей коммерческой природы бизнес-менеджмент ведет нечестную игру с этой сложно сбалансированной системой сил, от которой зависит благополучие всего общества. И в первую очередь это касается крупных предприятий, основанных на абсентеистской собственности и работающих на привилегированные классы страны. Но важно отметить, что система механической индустрии крайне эффективно справляется с производством товаров и услуг, даже когда ей приходится работать под грузом ограничений и помех, создаваемых бизнес-менеджерами. Так что простор для ошибок, точнее для расточительности и невежества, велик, настолько велик, что до сих пор спасает привилегированные классы. И нет никаких оснований ждать коллапса в ближайшее время.

Если бы производящая промышленность в государстве была грамотно организована как системное целое и если бы ей руководили компетентные в этом плане технические специалисты с целью увеличить выпуск товаров и услуг, а не управляли вручную корыстные и невежественные бизнесмены, объем производства товаров и услуг, несомненно, превысил бы текущие показатели в разы. Но ведь ничто из этого не нужно при существующем строе. Все, что ему

требуется, – это толика производительности, очень далекая от максимально возможной. В сущности, общество уже свыклось с уровнем производства, в два раза меньшим, чем можно было бы достичь, если задействовать оборудование на полную мощность. Но мало того: около половины выпуска на самом деле уходит на излишества. Простор для расточительности и недальновидности велик, и более терпеливое и глубокое исследование показало бы, что права привилегированных классов пока в безопасности, по крайней мере в этом отношении.

Несомненно, есть шанс, и немалый, что быстро растущая величина и сложность индустриальной системы может в скором времени привести промышленность страны в столь шаткое состояние неустойчивого равновесия, что даже небольшая доля злонамеренного вмешательства может оказаться роковой, пусть она и вызвана самыми неотложными и правомерными причинами из области бизнес-стратегий и имущественного права. Рано или поздно такого результата стоит ожидать. Хватает признаков того, что индустриально развитые страны, включая Америку, приближаются к такому положению. Пространство для расточительности и недальновидности постепенно сужается благодаря развитию технологий. И с дальнейшим продвижением в области специализации и стандартизации, в том что касается рода, количества, качества и времени, толерантность системы как целого под неправильным управлением неуклонно снижается.

То, как скоро будет достигнут предел, – скользкая тема для обсуждения. Похоже, следующая зима бросит луч света на этот темный вопрос, но это не значит, что конец близок. Настаиваю я лишь на том, что столь зловещая перспектива настигнет нас рано или поздно, хотя и неясно, когда именно.

Также стоит помнить о том, что в меру катастрофичное обрушение существующей индустриальной системы вовсе не обязательно окажется фатальным для привилегированных классов, по крайней мере сейчас – пока нет компетентной организации, готовой занять их место и управлять промышленностью страны по более разумному плану.

Во всех этих рассуждениях о постоянных нарушениях и работе во вред друг другу предполагается, что существующий бизнес-менеджмент имеет соревновательную природу и основывается на конкурентных стратегиях. Также предполагается, что промышленные магнаты, которые руководят этой конкурентной стратегией, обычно плохо разбираются в технологических аспектах дела и из-за этого поступают неправильно с точки зрения индустрии, даже когда действуют с самыми мирными и благими намерениями. Они не имеют профессиональных знаний в области технических требований индустрии. Этот последний факт не стоит даже обсуждать, он известен абсолютно всем. Однако первый тезис – о том, что бизнес-менеджмент имеет соревновательную природу – вызывает сомнения у многих из тех, кто знаком с вопросом. Бизнес-концерны страны консолидировались, объединялись, заключали договоренности и вступали в союзы: синдикаты, трасты, объединения, картели, перекрещивающиеся директораты, джентльменские соглашения, союзы предпринимателей – все это практически целиком охватило сферу крупного бизнеса, который ведет за собой остальных предпринимателей. Когда такое происходит, конкуренция сходит на нет. А там, где нет формальных объединений, бизнесмены попросту действуют в тайном сговоре с тем же результатом. Нетрудно предположить, что пока встречается конкурентный бизнес-саботаж, это несложно исправить дальнейшей консолидацией деловых интересов, которая устранил все поводы для противоречий внутри индустриальной системы.

Непросто разглядеть, как далеко нас может завести это положение; но в результате явно должна образоваться столь обширная коалиция интересов и менеджмента, что, в сущности, она устранил все поводы для соперничества внутри системы и оставит население полностью в распоряжении получившегося объединения. Но в этих доводах принимается во внимание только одна из трех составляющих, которые сплетаются в готовую затянуться роковую петлю. Две оставшиеся весьма прочны, и их мы пока не затронули. Да, экономисты и прочие, рас-

смаатривая вопросы конкуренции, обращали свой взор только на это направление соперничества – между конкурирующими коммерческими предприятиями, – поскольку считается, что это соперничество нормально и служит общественному благу. Но остается еще а) соревнование между бизнесменами, которые дешево покупают и дорого продают, и основным населением, у которого и которому они покупают и продают, и б) соперничество между руководством предприятий и абсентеистскими собственниками, во имя которых и за чей счет руководители делают бизнес. В большинстве случаев современное бизнес-предприятие принимает корпоративную форму, оно организовано на основе доверия и, следовательно, на абсентеистской собственности; в результате на крупном предприятии владельцы и управляющие – разные люди, и интересы менеджера не всегда совпадают с интересами владельца, особенно это касается современного «крупного бизнеса».

Получается, что даже коалиция привилегированных классов, которая должна быть практически всеохватной, вынуждена считаться с тем, что «требуется рынку» – другими словами, с тем, что принесет наибольшую чистую прибыль в денежном выражении; так что конкуренция по-прежнему будет вынуждать коалицию покупать дешевле и продавать дороже, задействуя все возможности, которые дает доминирующая позиция на рынке. Следовательно, коалиции придется изворотливо лимитировать производство товаров и услуг до того уровня и объема, чтобы можно было удерживать и ли повышать цены; и также варьировать свои манипуляции с ценами и предложением в зависимости от места и времени, чтобы честно заработать. Все это возвращает ситуацию практически к исходной точке. Опять же, такое средство от недостатков конкурентной системы выглядит сомнительным.

Но больше относится к делу факт, известный, хотя и не признаваемый открыто, что соглашения, достигнутые ранее, не устранили конкуренцию и не изменили характер конкурентных стратегий, хотя и повлияли на их размах и методы. Стоит сказать о том, например, что основные корпорации холдинговых компаний уже не соперничают между собой, как прежде. Но стратегическая дезорганизация и противоречия в целях по-прежнему актуальны для бизнес-управления промышленности; и стандартный уровень незадействованности, как оборудования, так и рабочей силы, продолжает бессовестно увеличиваться – вот что важнее всего.

Хорошо бы понимать – и сами предприниматели знают это прекрасно, – что бизнес всегда ведется предпринимателями ради личной выгоды. И эти изобретательные бизнесмены всегда будут соперничать между собой за выгоду, независимо от того, как много бы они могли достичь, объединившись ради общего дела. Конечная цель любого прибыльного предприятия, к которой все ведет, – это дележ общей добычи, и в этом дележе соисполнители всегда будут соперничать между собой. Синдикаты, объединения, корпорации, консолидации интересов, организованные в погоне за прибылью, по природе своей близки к сговору между бизнесменами, где каждый ищет выгоды для себя и не заботится о чужих интересах. В таких совместных предприятиях нет глубинной общности целей.

В качестве иллюстрации: содержание объемных томов по делу Колтона в Калифорнийском суде, связанном с противостоянием Southern Pacific и ее дочерних компаний, наглядно показывает, каким образом могут работать материальные стимулы при распределении выплат внутри объединения. И дело не только в отсутствии солидарности между участниками предприятия, когда дело доходит до дележа трофеев, но и в том, что деловые интересы менеджера, управляющего таким синдикатом или абсентеистским владением, могут не соответствовать интересам предприятия в целом. В качестве примера можно привести показания главного президента Больших северных железных дорог¹⁶ перед комитетом Конгресса, где довольно полно объяснялось, что за четверть века две железные дороги под его управлением никогда не приносили адекватного дохода инвесторам. Этот случай обрел печальную славу, хотя на рассмот-

¹⁶ Существовавшая до 1931 г. сеть дорог I класса позже была объединена с Западной тихоокеанской железной дорогой.

рение комитета милосердно не был вынесен факт, что за время работы на железной дороге этот изобретательный президент увеличил собственное состояние до суммы, по разным оценкам составляющей от 150 млн до 200 млн долл.; в то время как два его основных соратника оставили менеджмент, заслужив звание пэров Великобритании.

В сущности, изобретательные бизнесмены до сих пор предпочитают строить личную стратегию за счет всех остальных, а привилегированные классы организуют тайные сговоры, также за счет всех остальных. Бизнес по-прежнему остается соперничеством, общей погоней за прибылью, и как иначе? Ведь стимул для любого бизнеса – это личная выгода за счет всех остальных.

Следуя догматам и проявляя верность традиции, дипломированные экономисты привычно описывают деловое предприятие как организованную структуру для управления индустриальной системой страны и обеспечения полного и справедливого распределения товаров среди потребителей. Казалось бы, с этим определением все в порядке. Но оно верно только с оговоркой, что как структура для управления индустриальной системой страны бизнес-предприятие имеет ряд недостатков, и эти недостатки старой доброй системы привлекают к себе все больше внимания. До настоящего времени и с тех пор, как машиностроение заняло доминирующее место в индустриальной системе, недостатки бизнес-управления в промышленности охватывали все больше и больше ее аспектов. Оно начиналось как система, управляемая собственниками промышленного оборудования, а затем переросло в систему абсентеистского владения, управляемую псевдо-ответственными финансовыми агентами. Начавшись как индустриальное сообщество, ориентирующееся на свободный рынок, оно стало сообществом привилегированных классов, чья привилегия – повышать цены за счет ограниченного предложения на закрытом рынке. Не будет преувеличением сказать, что эта структура для контроля за выпуском и распространением товаров и услуг стараниями абсентеистских собственников превратилась в скопище недостатков. С точки зрения вероятности революционного переворота это может служить честной характеристикой режима привилегированных классов, чьей власти, по мнению охранителей, угрожает народное восстание в духе большевизма. Промышленность современного образца с ее характерными чертами – механизацией, специализацией, стандартизацией, масштабом и растущим объемом производства – высокопродуктивна; ее потребности всегда должны удовлетворяться. Необходимые условия для производящей промышленности имеют четко определенный технический характер и становятся все более конкретными по мере развития технологий. Машиностроение требует все больше природных источников энергии и задействует все больше разнообразных ресурсов из всех географических регионов, невзирая на границы и межнациональные противоречия; поскольку технологии безличны и беспристрастны, и их цель просто удовлетворять человеческие нужды, невзирая на привилегии или политику. Это индустриальная система беспримерного типа – механически сбалансированная и взаимосвязанная система, нацеленная на работу, нуждающаяся в первую очередь в кропотливой, интеллектуальной координации процессов и столь же кропотливым распределении мощностей и ресурсов. Ее основание и движущая сила – массив технологических знаний, совершенно безличной и в то же время некоммерческой природы, работающий в тесном контакте с наукой, на которую система полагается в каждом шаге, – высокоспециализированной, бесконечно точной, простирающейся во все области эмпирических фактов.

Такова система производства, порожденная промышленной революцией, и от беспрепятственной работы этой системы зависит материальное благополучие цивилизованного человечества во всем мире. Любой дефект или помеха в ее техническом управлении, любое навязывание нетехнологических средств, любая ошибка или срыв могут отбросить назад сбалансированное целое или привести к огромным трудностям для населения.

Следовательно, те одаренные, обученные и опытные технические специалисты, которые обладают необходимыми профессиональными знаниями и опытом, – важнейший и незамени-

мый фактор бесперебойной работы индустриальной системы. Сейчас они, по сути, составляют главный штаб индустриальной системы, чтобы ни говорил по этому поводу закон или обычай. Промышленные магнаты могут тщеславно требовать этих почестей себе; закон и обычай поддерживают их требования, но технологической ценности магнаты не имеют.

Вот почему вопрос революционного переворота и в Америке, и в любых других развитых индустриальных странах упирается в то, что готова сделать гильдия технических специалистов. По сути, это вопрос того, перейдут ли полномочия и ответственность за управление национальной промышленностью из рук финансистов, которые представляют интересы привилегированных классов, в руки технических специалистов, которые представляют интересы самой промышленности. Но не существует третьей стороны, стороны, которая могла бы предложить альтернативы и выполнить свои обещания. До тех пор, пока имущественные права абсентеистских собственников остаются неприкосновенными, финансовые власти – то есть привилегированные классы – продолжают распоряжаться промышленной мощью страны в собственных интересах. И как только имущественные права исчезнут, контроль над материальным благополучием народа перейдет в руки технических специалистов. Третьей стороны нет.

Что-то подобное власти Советов в Америке возможно, если появится Совет технических специалистов. И чтобы успокоить охранителей и добропорядочных граждан, на которых те опираются, можно продемонстрировать, что появление такого совета в Америке на данный момент маловероятно.

Это правда, что пока не произойдут коренные изменения, страну действительно ждут годы беспорядков, трудностей и разногласий, безработицы и лишений, незащищенности частных лиц и собственности – все то, к чему правление привилегированных классов приучило цивилизованные народы. Но имущественные права абсентеистских собственников до сих пор глубоко внедрены в сознание людей и продолжают быть оплотом республики. Так что можно смело утверждать, что организация вроде Совета технических специалистов на данный момент не представляет угрозы для привилегированных классов.

Так сложилось, что технические специалисты, инженеры и промышленные эксперты, – послушные и безвредные люди, которые могут позволить себе хлеб с маслом. Действительно, они составляют незаменимый главный штаб индустриальной системы, которая кормит привилегированные классы; но до настоящего времени они ничего не могли предложить в сфере управления этой индустриальной системой и ее планирования, а просто были персоналом на жаловании у финансистов. До сих пор они бездумно довольствовались сдельной оплатой, работая на привилегированные классы, и без особого осуждения позволяли втягивать себя в деструктивные тактики руководства; в то время как все те знания, которые делают их техническими специалистами, составляют часть капитала знаний, созданного обществом.

Но так же верно, что на их дорогом купленные – за счет всего общества – знания опирается здание индустрии, в котором продолжают хозяйничать привилегированные классы. Без непрерывного наблюдения и управления техников индустриальная система попросту перестала бы работать, при этом сложно усмотреть хоть какой-нибудь возможный вред в избавлении от существующего бизнес-контроля. Технические специалисты необходимы индустрии; привилегированные классы и абсентеистские собственники – нет. Технические специалисты необходимы привилегированным классам и абсентеистским собственникам как рабочая сила, без которой не будет индустриальной продукции для контроля и дележа; тогда как привилегированные классы и абсентеистские собственники не создают для технических специалистов ничего, кроме постоянных помех.

Из этого следует то, что материальное благополучие любой индустриально развитой страны перейдет под контроль технических специалистов, если только они поймут свою силу, соберут совет, организуют главный штаб индустрии и преодолеют препятствия со стороны представителей абсентеистских собственников. Вместе они уже готовы взять лидерство в свои

руки и управлять индустрией согласно собственным представлениям – нужно лишь прийти к взаимопониманию и согласовать план действий.

Но пока нет гарантии, что здравый смысл и проницательность приведут технических специалистов к такому решению. Так что пока нет и причин для тревоги. Технические специалисты вполне благополучны и немало коммерциализованы, особенно старшее поколение, которое ведет себя авторитетно и убедительно и к которому младшее поколение питает достаточно почтения, чтобы добропорядочным гражданам было не о чем беспокоиться. На этом и зиждется нынешнее безопасное положение привилегированных классов, так же как и бессмысленность страхов по поводу большевизма и других подобных вещей. Чистосердечное сотрудничество технических специалистов было бы столь же незаменимо для любого революционного движения, как их верная служба привилегированным классам незаменима для поддержания сложившегося порядка.

Меморандум о Совете технических специалистов

Цель этого меморандума – показать, что в сложившихся условиях не стоит ни бояться, ни ожидать с надеждой никакого революционного переворота в Америке, который разрушил бы устоявшийся порядок и сместил привилегированные классы, контролирующие индустрию страны. Ранее обсуждалось, что движение в сторону переворота невозможно без инициативы и управления со стороны технических специалистов страны, действующих сообща и согласно продуманному плану. Как известно, никаких шагов в этом направлении до сих пор не было предпринято, и нет свидетельств того, что технические специалисты обдумывают нечто подобное. Они все еще последовательно лояльны существующему строю, основанному на коммерческой выгоде и абсентеистской собственности, и это больше, чем лояльность наемного работника. А адекватный план общих действий, необходимый для такого масштабного предприятия, нельзя составить за пару дней.

План действий, который сколько-нибудь удовлетворял бы требованиям, должен родиться в результате вдумчивого обсуждения между компетентными в таких вопросах техническими специалистами. Он требует интеллектуального сотрудничества тысяч технически подкованных людей, рассеянных по всей стране и задействованных в разных отраслях промышленности. Он должен включать достаточно полный учет промышленных мощностей страны, в нем должны быть расписаны все подробности об индустрии: источники энергии, ресурсы и рабочая сила. Также потребуются поддержка со стороны квалифицированных специалистов в добывающей, транспортной и других крупных отраслях. Все это начальные требования, обязательные для столь масштабного замысла в такой индустриализированной стране как Америка; и если помнить об этом, то становится ясно, что страх перед подобным переворотом в настоящее время не имеет под собой оснований. Так что можно без колебаний заявить, что абсентеистская собственность пока в безопасности.

Чтобы убедительно и объективно показать, как мала вероятность подобных событий, кратко опишем основные принципы, которым такой план действий должен следовать, и то, какой должна быть организация, способная взять на себя управление промышленностью после возможного избавления от власти привилегированных классов и абсентеистской собственности. И заметим, в ближайшем будущем куда вероятнее самостоятельное, хотя и вынужденное, отречение привилегированных классов и абсентеистских собственников, чем силовой переворот. Не должно удивлять, что им предстоит, по сути, самим уничтожить себя, когда положение в индустрии выйдет из-под их контроля. Фактически в нынешних непростых условиях они уже демонстрируют свою неспособность заботиться о материальном благополучии страны – для них это всего лишь благовидный предлог заявлять о своих имущественных правах. В то же время что-то вроде первой ставки в торгах по поводу сложения полномочий уже сделано. Так что решение порвать с системой абсентеистского владения по какому бы то ни было плану уже нельзя считать чисто абстрактной выдумкой; и существующие взгляды на то, какая организация должна заместить собой привилегированные классы, представляют интерес уже сейчас, даже в отрыве от сомнительного вопроса насильственного разрушения сложившейся системы абсентеистской собственности.

Само собой, полномочия и обязанности будущего директората будут иметь технологическую природу в основном, если не во всем, поскольку цель этого управления – заботиться о материальном благополучии общества посредством более компетентного менеджмента индустриальной системы страны. Следует добавить, что даже если переворот неожиданно встретит вооруженное сопротивление со стороны защитников прежнего строя, обязанности будущего директората все равно будут иметь технологическую природу, поскольку военные операции,

по сути, дело техники, как в непосредственном ведении боевых действий, так и в вопросах материального обеспечения и снабжения.

Новый промышленный порядок сможет исправить недостатки старого. Обязанности и полномочия нового директората будут направлены на те точки в управлении индустрией, где старый порядок потерпел неудачу, то есть на разумное распределение ресурсов и полную, сбалансированную занятость оборудования и рабочей силы, на устранение расточительности и дублирования обязанностей; на справедливое и полное обеспечение потребителей товарами и услугами. Очевидно, что самая срочная и важная работа для нового директората лежит в тех областях, где при старом порядке система страдала от бездеятельности и внутренних противоречий; это разумное распределение ресурсов: энергии, оборудования и материалов в важнейших отраслях. Этой работе при старом порядке традиционно не уделялось должного внимания.

Чтобы справиться с распределением ресурсов, транспортная система страны тоже должна находиться в распоряжении директората, поскольку в нынешних условиях без нее не обойтись. Но аналогичным образом контроль над сбытом товаров потребителям должен попасть в те же руки, поскольку распространение продукции – в первую очередь вопрос транспортировки.

Основываясь на этих выводах, которые стали бы только убедительнее от более детального исследования, мы приходим к выводу, что главный директорат наверняка принял бы форму тройственного исполнительного совета, уполномоченного принимать решения по управлению промышленностью. Совет включал бы технических специалистов, чья квалификация позволила бы называть их инженерами по ресурсам, а также столь же компетентных представителей транспортной системы и системы сбыта готовых продуктов и услуг. Для большей эффективности и быстроты действий исполнительный совет не должен быть многочисленным; хотя штат консультантов может быть велик и управляться официальными представителями (депутатами, комиссарами, исполнителями – как бы они ни назывались) нескольких основных отраслей производящей промышленности, транспорта и дистрибуции.

Вооруженный такими полномочиями и держащий связь с консультантами разветвленной сети подразделений и местных советов, промышленный директорат будет в состоянии преодолеть бездействие оборудования и безработицу, с одной стороны, и локальный и сезонный дефицит – с другой. Основное направление работы директората, в котором должны быть компетентны его представители, как консультанты, так и исполнители, соответствует задачам производственного инженера (термин, который сейчас входит в обиход). Но так же очевидно, что для дальнейшей работы по планированию и консультированию директорату понадобятся услуги довольно многочисленных экономистов – людей, чья квалификация позволила бы назвать их производственными экономистами.

В профессии уже сейчас есть люди с такой квалификацией, хотя нельзя сказать, что их большинство. Экономисты, в силу традиции и под коммерческим давлением, обычно погружены в способы и средства продаж, финансовые потоки, распределение собственности и дохода, вместо того чтобы изучать работу индустриальной системы как средства производства товаров и услуг. Тем не менее все-таки существует, особенно среди молодого поколения, заметное и, возможно, вполне достаточное число экономистов, которые знают, что бизнес – это не промышленность, и что инвестирование – это не производство. И здесь, как и во всем остальном, нас устроят только лучшие.

«Консультирующие экономисты» при таком порядке – необходимое дополнение к штату центрального директората, потому что технические познания инженера по ресурсам, производственного инженера или любого другого компетентного технического специалиста не помогут ему разобраться в крупных экономических процессах; а еще общеизвестно, что очень немногие из технических специалистов продвинулись в этом направлении дальше расхожих представлений, бытовавших при прежнем строе. «Консультирующие экономисты» необходимы, чтобы прикрыть слабое место новой структуры. Их роль в этой схеме аналогична роли

советников по правовым вопросам в маневрах политиков и законодателей; а независимому директорату при новом порядке предстоит стать чем-то вроде законодателей индустрии.

Сейчас самое время сделать важную оговорку. Для того чтобы избежать постоянного беспорядка и возможного поражения, нужно будет убрать со всех ответственных должностей, требующих доверия, людей, обученных бизнесу и опытных в крупном бизнес-предпринимательстве. Это коснется в первую очередь административных работников, хотя будет особенно важно для директората, центрального и подчиненного, а также штата консультантов – то есть тех, для кого особенно принципиальны здравый смысл и правильное понимание дела. Нам необходимы познания в путях и средствах производственной индустрии, а не в прибыльных продажах и инвестициях.

В силу привычки, люди, приученные к бизнес-представлениям о том, что правильно, будут настроены против любого плана производства и распространения, который не нацелен в первую очередь на коммерческую выгоду и максимальную прибыль для собственника. Исключения тут редки. Но это не самое существенное последствие. Важнее то, что привычный коммерческий уклон не позволит им воспринимать ресурсы, нужды и задачи индустрии в отрыве от их коммерческого значения. Их меры и стандарты оценки – это денежные меры и стандарты, завязанные на личную выгоду; в то время как в любой схеме промышленности, нацеленной не на продажи и прибыль, а на осязаемый результат и осязаемую выгоду для общества в целом, такой подход будет сбивать с пути. Даже действуя с лучшими намерениями, обученный таким образом человек будет оценивать производство и использование промышленных мощностей с той точки зрения, к которой привычен, то есть со счетоводской, иначе говоря, с точки зрения абсентеистской собственности и чистой прибыли; все это угрожает описываемому плану. С точки зрения нового порядка опытные и одаренные бизнесмены в лучшем случае могут считаться слепоглухонемыми людьми с хорошими намерениями. Их самые мудрые суждения и самые искренние устремления становятся бессмысленными и опасными, когда задача индустрии сменяется с обеспечения выгоды для собственника на выпуск полезных для общества товаров.

Все это отречение от принципов и ценностей бизнеса может оказаться пустой мерой предосторожности; но не стоит забывать, что в силу выученной склонности и традиций, бизнесмены, крупные и малые, в той или иной степени служат интересам привилегированных классов, которые и должна сместить проектируемая организация, – они обучены их тактике и маршируют под их знаменами. Опыт военной администрации и бизнес-управления промышленностью в последние годы показал, что происходит, когда способные бизнесмены с благими намерениями управляют индустрией с целью максимального объема выпуска и экономии. На ответственные посты администрация назначила опытных предпринимателей, в первую очередь добившихся успехов в крупном бизнесе, другими словами, людей грамотных и привыкших к погоне за наживой. И история этих приключений, насколько она вышла на свет, представляет собой комедийную череду ошибок с единым печальным финалом, о каком бы из множества департаментов, объединений, комитетов и управлений ни шла речь.

Как известно, этот отбор персонала показал себя скверно, если не сказать жестче. Меры, принятые, разумеется, с самыми добрыми и благоразумными намерениями, на которые бизнесмены были способны, нацеливались в первую очередь на защиту инвестиций и распределение прибыли; в то время как заявленной целью было производство качественных товаров первой необходимости. Чем больше подробностей выходит наружу, тем очевидней становится разница между заявленными задачами и фактическим результатом. Материальная производительность промышленности – это то, в чем бизнесмены ничего не понимают, и одновременно то, от чего зависит успех любого возможного переворота. Следует также отметить, что даже слепые и неохотные попытки этих бизнес-администраторов уйти от привычных правил привели к заметному росту эффективности производства. То, что это произошло под управлением

военной администрации, вероятно, в немалой степени связано с тем, что бизнесмены не могли достаточно жестко контролировать работу технических специалистов и квалифицированных рабочих. И тут мы снова касаемся того, почему не стоит бояться революционного переворота в ближайшем будущем. По укоренившейся привычке американский народ не может доверить серьезную ответственность никому, кроме бизнесменов; и в то же время переворот может быть успешным, только если устранить бизнесменов со всех ответственных позиций. Эта сентиментальная манера американцев с почтением относиться к проницательности бизнесменов повсеместна, глубока и тревожна. Потребуется жесткие и долгие действия, чтобы избавиться от нее или изменить на пользу революционного переворота. И народ вряд ли с пониманием отнесется к идее передать ответственность в руки технических специалистов – те в массовом представлении выглядят странным содружеством высоколобых чудаков, которым можно доверять, только пока ими управляют мудрые бизнесмены. Да и сами технические специалисты не привыкли относиться к себе принципиально иначе. Они по-прежнему видят себя наемными работниками под началом предпринимателей, которые не делают ничего и получают все. Привилегированные классы же олицетворяют собой надежность. Абсентеистская собственность пока в безопасности. Со временем, если принять некоторые меры, образ мысли у людей можно исправить, но в любом случае это займет немалый срок.

Даже набросанной в общих чертах схемы, приведенной выше, достаточно, чтобы понять: результативный переворот сложившегося порядка нельзя совершить сходу или просто взяться за дело, а потом действовать по ситуации. Успех невозможен без тщательной подготовки. Вот два основных направления этой подготовки: а) исследование текущего положения и возможных путей и способов действий; и б) создание организационного реестра и опрос потенциальных сотрудников. Помимо этого подготовка должна включать формирование духа команды, готовой к рискованному предпринятию. Все это требует времени.

Необходимо будет выяснить и убедительно продемонстрировать, как именно бизнес-контроль приводит к дезорганизации работы и расточительности, в чем причины этого, и каким образом устранение такого контроля сделает производство и управление более эффективным. Все это потребует усердной работы группы экономистов и инженеров, которые соберутся путем самоотбора на основе общего интереса к эффективности производства, экономному использованию ресурсов и справедливому распределению продукции. Но до сих пор не началось ни самоотбора компетентных людей, ни планирования общей работы.

В ходе этого предполагаемого исследования и на основе его результатов придется провести не менее серьезную работу по обсуждению и подробному рассмотрению вопроса среди затронутых групп, а также проконсультироваться со сторонними специалистами, хорошо понимающими, что можно сделать имеющимися средствами, и готовыми броситься в такую авантюру. Также нужно будет сформировать общий реестр, чтобы предусмотреть эффективное использование ресурсов и оборудования, а также реорганизовать дистрибуцию товаров.

Чтобы продемонстрировать, каким приблизительно должен быть масштаб и характер этого исследования и обсуждения, заметим, что при новом порядке существующие коммерческие перевозки, с помощью которых распространяется товар, отпадут в основном из-за нехватки финансового стимула. Хорошо известно, что нынешняя организация этих перевозок, как в оптовой, так и в розничной торговле, сопряжена с масштабным и дорогостоящим дублированием работы, оборудования, инвентаря, персонала – показатели в разы превышают те, которых можно было бы достичь при разумном планировании. В поисках выхода из сложившегося в отрасли плачевного положения и в разработке структуры для эффективного и справедливого распространения товаров экспертам наверняка очень поможет детальная информация о таких существующих организациях, как Chicago Packers, сетевые магазины, торговопосылочные фирмы. Конечно, все это коммерческие организации, и управляются они с расчетом на прибыль для их владельцев и менеджеров. Но в то же время они задуманы так, чтобы избежать

потерь обычной розничной торговли. Немало уроков практической экономии можно извлечь из опыта привилегированных классов – они настолько ценны, что по праву считаются капиталом бизнес-концернов. Задуманное исследование, конечно, будет также полезно и чтобы привлечь внимание общества; продемонстрировать, конкретно и убедительно, каковы врожденные недостатки существующего бизнес-контроля в промышленности, почему эти недостатки неотделимы от упомянутого контроля и чего следует ожидать от промышленного менеджмента, который не ориентируется на интересы абсентеистских собственников. Способы создать общественный резонанс обсуждать рано, пока вопрос о самом исследовании остается теоретическим. Рано пока обсуждать также масштаб и детали исследования, так как они будут зависеть от интересов и квалификации людей, которые им займутся. Пока работа не началась, мы можем наметить лишь основные направления.

Возможный переход к новой, более практичной системе индустриального производства и сбыта называется здесь «революционным переворотом», направленным против сложившегося порядка. Это ужасное выражение в этой книге используется в основном потому, что блюстители строя больше опасаются чего-то зловещего, чему нельзя подобрать более деликатное название, чем мысли о том, что теперь только жесткие и губительные меры могут спасти население от бестолкового руководства привилегированных классов. То движение, которое мы здесь теоретически рассматриваем под столь пугающим названием и от которого якобы нужно защищаться любой ценой, на самом деле будет не слишком зрелищным. Совершенно точно не потребуются бои и знамена, если только охранителям это не покажется хорошей идеей – а в последнее время становится похоже на то. Потребуется в первую очередь простые и скучные меры; хотя затем наверняка понадобятся сложные доработки в деталях. В принципе, все, что необходимо реализовать, – это отказ от абсентеистской собственности, иначе говоря, расформирование институтов, которые успели показать себя вредными для общества. Все остальное элементарным образом последует из отмены изношенных и бесполезных имущественных прав.

Под абсентеистской собственностью здесь понимается положение, при котором промышленный объект принадлежит лицу или лицам, которые не участвуют в его промышленном использовании. При этом конторская служба коммерческого характера не считается работой в промышленности. Из этого следует довольно масштабный вывод, хотя он настолько очевиден, что вряд ли всерьез требует проговаривания: собственник, который использует принадлежащий ему промышленный объект, будет «абсентеистским собственником», только если он не единственный человек, участвующий в этом использовании. Следующий вывод, возможно, не столь очевиден на первый взгляд, но не менее убедителен, если вдуматься: коллективная собственность в корпоративной форме, иначе говоря, принадлежащая ситуативно собранной группе людей, также будет считаться абсентеистской собственностью. Заметим, что это не касается общей собственности, принадлежащей домохозяйству, которое использует ее совместно. Однако если общая собственность не используется членами домохозяйства или используется с помощью наемных сотрудников, то мы снова имеем дело с абсентеистской собственностью. Для большей ясности добавим, что отмена абсентеистской собственности коснется всех без исключения промышленных объектов, будь то движимое или недвижимое имущество, природные ресурсы, оборудование, банковский капитал или товары на рынке.

Как непосредственное последствие отмены абсентеистской собственности становится вполне вероятным, что промышленные объекты перестанут использоваться для нужд собственников, то есть для личной выгоды, даже без административного вмешательства. При нынешнем состоянии технологий ни природные ресурсы, используемые в создании мощностей и материалов, ни оборудование, используемое в важнейших индустриях, не доступны никому, кроме абсентеистских собственников. И эти крупнейшие индустрии контролируют ситуацию, так что небольшое частное предприятие вряд ли найдет себе место на рынке. В то же время стимул для личного накопления богатства за счет общества будет фактически уничто-

жен, поскольку смысл такого накопления обычно сводится к тому, чтобы стать абсентеистским собственником. По сути, другие стимулы встречаются очень редко. Очевидно, второстепенные эффекты подобного отказа найдут далеко и в разных направлениях, но так же очевидно, что в них нет смысла углубляться в рамках этого обсуждения.

Что касается формальных процедур, которые потребуются для правомерной отмены абсентеистской собственности, они не должны быть слишком многочисленными и запутанными, по крайней мере основные из них. Вероятно, для начала потребуется отмена корпоративных ценных бумаг. Одновременно будут упразднены учредительные договоры, долговые документы и другие бумаги, которые дают законное право собственности тому, кто ее не использует или ей не распоряжается. Скорее всего, это принесет желаемый результат.

Эта отмена может быть названа подрывным и революционным шагом; но без всякого намерения оправдаться, для объективной оценки предполагаемого движения нужно заметить, что этот шаг будет подрывным и революционным только в переносном смысле слова. Ничто из этого ни подорвет, ни расстроит работу основных механизмов, ничто из этого не нарушит отношения сколь-нибудь заметного количества людей, вовлеченных в индустрию, – будь то рабочие или потребители товаров и услуг. По сути, отмена затронет только притворство закона. Конечно, последствия окажутся весьма серьезными для тех классов, которые называются живущими на содержании, чье существование зависит от этого притворства. И точно так же отмена уничтожит посредников, которые существуют за счет того же притворства закона.

Несомненно, последуют серьезные трудности для тех, кто меньше других привык к лишениям; и несомненно все согласятся, что это крайне печально. Поэтому важно отметить, что какой бы ущерб ни был нанесен интересам абсентеистских собственников, это никак не уменьшит и не убавит тех существенных факторов, которые определяют пути и средства промышленной индустрии. Это также ничуть не уменьшит капитал технических знаний и опыта, который определяет интеллектуальную мощь индустриальной системы. К лучшему или к худшему, но это напрямую не касается значимых факторов индустрии. Так что все это не имеет первостепенной значимости, какими бы ни были второстепенные последствия.

Но нет сомнений, что предложение отказаться от абсентеистской собственности оскорбит чувства многих людей, особенно чувства абсентеистских собственников. Так что было бы преступным небрежением не затронуть тему «морального аспекта».

Я не намерен приводить здесь моральные обоснования отказа от абсентеистской собственности или аргументы за или против такого движения с точки зрения морали или чего-то еще. С точки зрения закона с абсентеистской собственностью сейчас все в порядке. Более того, как известно, в Конституции есть статья, гарантирующая ее безопасность. Если закон изменится, то, что легально сегодня, перестанет быть легальным завтра. По сути, больше тут сказать нечего, кроме одного: экономическая мораль базируется на экономической необходимости. В представлениях об экономической морали американское общество стабильно склоняется к тому, что абсентеистская собственность – это хорошо и правильно, во всей полноте и во веки веков; и не стоит ожидать, что эти представления развеются в один момент.

Некоторое раздражение и критику в последнее время вызывает то, что принято называть спекуляцией. Также ощущается недовольство явным неравенством и несправедливостью в распределении доходов; но встревоженным персонам все равно не стоит забывать о том, что право собственности свято для каждого американца. Создать (или унаследовать) достаток, то есть скопить достаточно богатства, чтобы обеспечить «достойную» жизнь при индустриальном абсентеизме, – всеобщее и одобряемое устремление каждого, кто достиг благоразумного возраста; но все сводится к одному: получать все, ничего не делая, любой ценой. Так же повсеместно поразительное почтение, с которым к крупным абсентеистским собственникам обращаются за советом и примером. Эти солидные господа «преуспели» в общественном пред-

ставлении. Они великие, славные люди, которые напоминают нам, что «и мы можем достичь вершин» и тому подобное.

Коммерциализированный образ мысли – результат того, что людей поколениями приучали гнаться за наживой; это настолько вошло у них в кровь, что попросту не позволит взглянуть на вещи под другим углом. Самый устойчивый фактор в любой цивилизации – это устоявшийся образ мысли, и в представлениях американцев абсентеистская собственность занимает центральное место в экономической реальности.

Итак, стало ясно, что все это обсуждение реального ниспровержения сложившегося порядка представляет исключительно теоретический интерес. Теперь можно перейти к вопросу о том, с чего можно начать движение к избавлению от абсентеистской собственности и построение созидательного режима под управлением технических специалистов страны.

Как мы уже упоминали, оперативное управление индустриальной системой по большей части уже находится в руках технических специалистов – во всем, что касается реальной работы. Но оно все еще под контролем привилегированных классов – во всем, что касается неспособности к работе. И эта неспособность в последнее время привлекает к себе много внимания. В расколотом надвое управлении индустрией технические специалисты представляют промышленный потенциал общества, другими словами – индустриальную систему в действии; в то время как бизнесмены представляют интересы абсентеистских собственников, которым принадлежит право пожизненного пользования индустрией страны. Именно технические специалисты разбираются в ресурсах страны, в оборудовании и промышленных мощностях, знают, как реализовать на практике капитал знаний, без которого промышленность невозможна, знают, как удовлетворить нужды общества в потребительских товарах. По сути, они составляют главный штаб производственных инженеров, под чьим надзором товары и услуги производятся и распространяются как надо. Тем временем именно бизнесмены знают, какой объем выпуска и сбыта лучше всего послужит коммерческим интересам абсентеистских собственников, и ограничивают производство и распространение на том уровне, который выдержит рынок, другими словами, на таком, который принесет максимальную чистую прибыль собственникам. И в этой работе над сдерживанием промышленности бизнесмены неизбежно соперничают друг с другом, поскольку торговля имеет конкурентный характер.

Соответственно, в этом двойственном управлении задача технических специалистов – планировать работу и обеспечивать ее выполнение; а задача руководителей предприятий – следить за тем, чтобы прибыль не досталась никому, кроме них самих и собственников, и что производство не превысило минимум, который может поглотить рынок. Во всем, что касается планирования и выполнения работы, технические специалисты при необходимости проявляют инициативу и творческий подход – то, в чем они хороши (и только они). Тем временем бизнес-представители абсентеистских собственников благоразумно используют право вето, чтобы ограничить техников и само производство. Они могут так поступать, поскольку технические специалисты – их подчиненные. Им платят, если они делают свою работу, их увольняют, если они ее не делают. Другая причина заключается в том, что технические специалисты раздроблены, они работают каждый под надзором своего начальства; они до сих пор не группировались, не собирали совет как главный штаб индустрии, чтобы определить, что нужно делать, а что – нет. Вот почему до сих пор в промышленной отрасли страны они остаются средством для бизнесменов в их погоне за наживой.

Но технические специалисты остаются и основой для работы любой наиважнейшей промышленной отрасли, на которую ориентируются остальные. И становится очевидным, что как только они соберутся вместе и сформируют общий совет, они действительно сумеют решить, что нужно делать, и установить условия, на которых это должно быть сделано. Короче говоря, уже есть все предпосылки для создания самовыборного, но всеохватного Совета технических специалистов, которые возьмут верховенство в экономических вопросах страны и решат, что

оставить, а что ликвидировать. Залогом тому служит и их знание потребностей индустрии, которую они поддерживают, и поддержка со стороны рядовых сотрудников. И тут мы уже в одном шаге от понимания, что Совет должен эффективно заботиться о материальном благополучии населения.

Сейчас эта революционная доктрина о положении в индустрии может выглядеть неприятно, но бесполезно отрицать факты. Как только, но не раньше, чем инженеры объединятся, соберут общий совет, разработают план действий и решат ликвидировать абсентеистскую собственность, движение начнется. Простейший путь к этому – сознательное снижение эффективности, другими словами, всеобщая забастовка, которая охватит достаточное количество технических специалистов, чтобы парализовать промышленность и заставить противника начать диалог.

В целом план прост и очевиден, но его реализация требует масштабной и усердной подготовки, куда более значительной, чем может показаться из приведенных выше утверждений, поскольку в силу нынешнего состояния технологий и положения в промышленности даже временная неспособность обеспечить ее бесперебойную работу может обернуться крахом для всего проекта.

Сами по себе, в одиночку, техники могут за несколько недель эффективно вывести из строя производственную индустрию страны для реализации своих собственных целей. С этим согласится каждый, кто сознает технический характер индустриальной системы. Но до тех пор пока у них нет по крайней мере терпеливого согласия со стороны народа и агрессивной поддержки со стороны обученной рабочей силы, задействованной в транспортной системе и крупнейших отраслях промышленности, им не удастся построить эффективную организацию на новых началах. Другими словами, в этом случае не удастся достигнуть ничего, кроме периода бедствий и раздора.

Соответственно, если мы предположим что производственные инженеры готовы сыграть свою роль, то поймем, что необходимы два направления подготовки: а) обширная кампания по освещению ситуации и разъяснению ее народу; б) выработка взаимопонимания и солидарности между техниками и сотрудниками транспортной системы и крупнейших промышленных отраслей: с этим неразрывно связано активное следование плану со стороны обученных рабочих всех отраслей промышленности. Пока эти приготовления не проведены, любой план по смещению существующего порядка обречен на провал.

В заключение напомним, что пока еще производственные инженеры представляют собой довольных подчиненных, усердно работающих на благо абсентеистских собственников и их представителей, рабочие, как в промышленности, так и в транспортной отрасли, все еще не проявляют симпатии к техникам и объединены только корыстными организациями, чья единственная цель – обеспечить себе хлеб с маслом; тем временем население плохо информировано о положении вещей – стараниями привилегированных классов и подчиненных им средств массовой информации – и не готово принять идею об отмене собственности; а законные власти полностью поглощены поддержанием статус-кво. Так что охранителям и всей массе зажиточных граждан, на которых опираются абсентеистские собственники, не о чем беспокоиться, по крайней мере до поры до времени.